

И. Степанов.

Происхождение нашего бога.

(По Г. Кунову).

В Я Т К А.

1-я типография Бумажно-полиграфического Треста.

1921.

К русской переработке.

Мы издаем переделку работы Кунова, появившейся тремя годами раньше, чем «Возникновение религии и веры в бога» того же автора.*) Но, хотя она написана раньше, по содержанию она примыкает ко второй из работ и представляет как бы ее продолжение.

В «Возникновении религии» Кунов исследует первоначальные ступени в развитии религии вообще. Иудейской религии он касается постольку, поскольку она дает некоторые иллюстрации общей истории религии.

Напротив, в данной работе Кунов недолго задерживается на первоначальных ступенях религии израильского народа. Основная задача для него — изучение высших форм религии, примером которых для него служит иудейская религия. К примерам из истории первоначальных религий он обращается только затем, чтобы на них выяснить историческое развитие израильской религии.

Таким образом, эта работа, совпадая в некоторых пунктах с «Возникновением религии», имеет совершенно самостоятельное значение.

Научное исследование иудейской религии с самого начала наталкивается на большие затруднения, которые долго тормозили изучение не только этой религии, но и религиозной истории вообще. Открывая в религиозных обрядах и воззрениях дикарей и полукультурных народов многочисленные сходства с израильской религией, исследователи робко отмежевывались от того вывода, что иудейская религия развивалась так же, как другие религии. Она долгое время оставалась, а для многих и теперь еще остается, предметом веры, а не научного исследования. И это тем более, что бога израильского народа христианские народы признают и своим богом. В предлагаемой работе читатели встретят многочисленные указания на то печальное положение, в каком в связи с этим находилась история не только израильской религии, но и самого израильского народа.

Нечего и говорить, что Кунов подошел к специальной цели своей работы совершенно так же, как он подошел бы к изучению религий индусов, арабов, австралийцев, кафров и т. д. Он дал действительно на-

*) Издана книгоиздательством „Коммунист“ в моем переводе.

учное исследование «Происхождения нашего бога», т.-е. бога не только евреев, но и христианских народов.

В немецком издании работа называется: «Theologische oder ethnologische Religionsgeschichte» («Теологическая или этнологическая история религии»), т.-е. следует ли подходить к предмету так, как подходят к нему еврейские и христианские богословы, или же и здесь надо применять те методы, которые должны были бы прилагаться к истории всякой религии, в том числе и религий у дикарей.

Работа Кунова в немецком издании — полемическая. Она представляет критический разбор большой книги Мауренбрехера: «Библийские истории. К историческому изучению религии».

Мауренбрехер перешел к германской социал-демократии от национал-социалов, а национал-социалы в свое время возникли в Германии путем отселения от так-называемых христианских социалистов. Выдающую роль в рядах последних играли протестантские пасторы и богословы. И Мауренбрехер — человек со специально богословским образованием.

Конечно, с переходом к социал-демократической партии Мауренбрехер так же не мог отрешиться от привычных для него форм мышления, как некоторые наши коммунисты новейшей формации не изменили своего существа, получив звание коммунистов. Своим критическим разбором Кунов показал, что Мауренбрехер в некоторых пунктах идет дальше, чем либеральные богословы, но по существу, несмотря на подзаголовок работы: «К историческому изучению религии», все же остается богословом, а не научным исследователем и уже во всяком случае не сделался марксистом.

Вззрения Мауренбрехера представляют самый ограниченный интерес для русских читателей *). Потому не имело бы смысла давать полный перевод книжки Кунова, в которой не менее половины занимает критика Мауренбрехера, из которого нередко приводятся многочисленные и большие цитаты.

Но попутно Кунов развивает мысли, которые новы не только для нашей бедной литературы по истории религии вообще и израильской — в особенности.

Предлагаемая работа представляет систематическое изложение этих мыслей, в некоторых местах — перевод книжки Кунова.

Производя переработку, мы в то же время стремились увеличить популярность книги, которая, впрочем, и в немецком издании не представляет никаких затруднений для читателя.

Март 1919 г.

И. Степанов.

*) Они дают только пример, как не следует приступать к изучению религии. Вопреки всем ожиданиям, таковой же пример дал в последнее время Н. М. Никольский своей книгой: «Иисус в первые христианские общины». Прямые исследования у него родственные с Мауренбрехером. Но по не критичности и наивности он безконечно превосходит в этой работе даже Мауренбрехера. Вместо научной работы получился слегка рационализированный «учебник нового завета».

1. История религии.

Как веровали самые древние, самые первобытные люди? Какова была их религия? Прямых сведений об этом у нас нет да и быть не может. Первобытный человек не умел писать. Условия человеческой жизни, хотя и медленно, но все-таки изменялись. А с изменением жизни изменялись и религиозные представления человека. Конечно, в них сохранялось кое-что и из первобытных верований. Но все же, когда люди научились писать и начали записывать свои религиозные предания и сказания, в этих преданиях и сказаниях больше выражались те верования, которые сложились ко времени записи, а не те, которые существовали в древнейшие, в так-называемые первобытные времена.

То существо, которое называется человеком—двуногое, умеющее объясняться жестами, криками и словами, отстаивающее свою жизнь не только голый рукой, но и дубиной, палкой, камнем, копьём и т. д.,—появилось, развилось много десятков тысячелетий тому назад. Сначала по своим способностям и по образу жизни оно не отличалось от многих четвероногих животных. У такого существа не было никакой веры (религии).

Те древние народы, о которых рассказывается в учебниках истории, уже очень далеко ушли от первобытного состояния. У ассирийцев, вавилонян, египтян, финикийцев, евреев и т. д. было уже правильно поставленное земледелие и скотоводство, они строили сложные укрепления, они производили самые разнообразные предметы вооружения и орудия, сначала из твердого камня, а позже и из металлов. Эти народы бесконечно далеко ушли от первобытного человека, и в их религиях сохраняются только некоторые следы первобытных воззрений. Но как узнать, что перешло в религию от древнейших времен, и какие верования возникли лишь в позднейшее время, на более высокой ступени развития?

Очень многое способно было бы дать внимательное изучение быта диких племен, сохранившихся до настоящего времени. Но при этом изучении приходится соблюдать величайшую осмотрительность. Нам важно установить, каково было самостоятельное развитие религии у этих народов. А ведь очень трудно, теперь даже совсем невозможно, найти племена, которые не входили бы в сношения и общение с дру-

гими народами и племенами. Сталиваясь с другими, каждое племя многому научается и многое заимствует у них. Если какое-нибудь племя стоит на низкой ступени развития и встречается с более культурными племенами, оно перенимает у него не только украшения и новые формы оружия, но и некоторые религиозные представления. Значит его развитие идет не самостоятельно, оно ускоряется, а часто и принимает несколько другое направление, вследствие внешних влияний. И очень трудно отделить те верования, которые были у племени до встречи с другими народами, напр., с европейцами, от тех, которые были заимствованы у чужих племен и переплелись с самостоятельно развившимися верованиями.

Африканских негров все еще можно считать дикарями и по всему образу жизни и по религиозным представлениям. Попадая в Америку, эти негры приглядывались и прислушивались к окружающему. Они еще долго не делались людьми европейской культуры, но все же они быстро переставали быть африканскими дикарями. Из разговоров с ними мы получили бы самые неправильные понятия о том, как думают о разных предметах их африканские родичи.

Это—только особенно резкий пример той роли, которая принадлежит внешним влияниям. Но ведь то же самое и вообще происходит при встречах одних племен и народов с другими.

В школах нам вдавливали, что религия древних евреев была одна и та же во все времена. Сам бог открыл ее евреям, и потому она не возникла, не развилась, а сразу была дана в таком виде, как существовала до времен Иисуса.

Науками в течение долгого времени занимались люди, которых школа и вся жизнь заставляла так думать и верить. Правда, ученые нередко открывали, что у ассирийцев, вавилонян, египтян, финикийцев,—вообще у народов, которые жили по соседству с евреями,—многие верования поразительно напоминали еврейские. Ученые люди из духовенства не долго ломали себе голову. Они объявили, что истинный бог открылся только евреям, но остальные народы, пребывавшие в неведении правильной веры, все же сумели кое-что заимствовать у евреев.

Наука продолжала исследования тех письмен и тех памятников, которые сохранились от древних народов, соседей евреев. Она убедилась, что никак невозможно говорить о заимствованиях у евреев: те народы много раньше пришли к своим верованиям. Значит, если ктонибудь у кого и заимствовал, то, напр., отнюдь не народы Месопотамии у евреев, а наоборот: евреи у народов Месопотамии, у вавилонян и ассирийцев.

Богословам, т.-е. людям, которые заняты не столько изучением, так-называемых священных книг, сколько их защитой и истолкованиями, приспособленными к воззрениям нового времени, пришлось пойти на уступки. Им пришлось согласиться, что некоторые места Библии действительно говорят о многобожии евреев, об их поклонении идолам, о

несомненных заимствований у соседей. Все это так, говорят богословы. Но первоначальные, чисто еврейские представления о боге были не таковы. Заимствования у соседей их исказили. Чтобы открыть истинную еврейскую религию, изначально существовавшую у избранного народа, надо выделить и отбросить эти заимствования.

И они с полным, с безграничным произволом выделяют и отбрасывают. Выделяют и отбрасывают до тех пор, пока не останется то, что им хочется получить, то, с чем еще кое-как может примириться ум современного человека. Такими производными операциями они стараются спасти старинные представления: что евреи были избранным народом, что они первые познали истинного бога, — или этот бог открылся им первым, — что они с самого начала поклонялись единому богу, — что их религия не развилась, а разом была дана в совершенной и окончательной форме.

Современному человеку чужды такие представления. Он знает, что все окружающее его и он сам не появились в готовом виде, а представляют итог длинного исторического развития. Развилась современная промышленность, развилась частная собственность, развились города, средства сношений, машины, развилась сама современная наука, которая сумела исследовать, как развилась земля, растительный, животный мир, как развивался сам человек. Мысль о том, что все развилось, господствует над умом современного человека. Он прямо не в силах понять, как это такое могли бы не развиваться и религиозные верования и представления.

Одна из самых важных задач для науки о религии — доискаться, каковы были действительно первоначальные религиозные представления и каким образом они возникли. Если удастся это выяснить, будет уже легче установить, как из этих представлений выросли более сложные.

Изучение быта диких и полукультурных народов способно дать ценные материалы для научной истории религии. Надо только больше всего обращаться к таким племенам и народам, которые развивались самостоятельно, т.-е. меньше всего подвергались посторонним, внешним влияниям. Таковыми были, несомненно, обитатели некоторых островов Тихого океана, пока до них не добрались европейцы; таковы же племена на австралийском материке, таковы древние перуанцы в Америке, пока последняя не была открыта европейцами.

Сами мы не можем прямо наблюдать этих племен и народов, какими они были до появления европейцев. Но рассказы и описания первых путешественников, отчасти и современные наблюдения, все же дают возможность установить, каковы были их самостоятельно развившиеся религиозные представления.

В дальнейшем мы не раз убедимся, как важно понимание действительно зародышевого состояния религии для объяснения ее высших ступеней.

2. Библейский рассказ о сотворении мира.

В Библии, а именно в одной и той же «Первой книге Моисеевой» («Бытие»), не один, а два разных рассказа о сотворении мира. И возникли эти рассказы, несомненно, в двух разных странах, с совершенно различной природой и только впоследствии были соединены в одной книге. Конечно, при этом они были подправлены, но полное согласование всё же не было достигнуто.

Один из этих рассказов содержится во второй главе «Бытия». В славянском, русском, немецком, французском и т. д. переводах Библии он опят таки сильно подправлен. В точном переводе с еврейского он гласит:

«В тот день, когда бог-Ягве (Иегова) создал землю и небо, на земле еще не было всех кустарников, и все травы еще не росли на ней, ибо бог-Ягве еще не посылал дождя на землю, и не было человека, который возделывал бы поле; но поток вырвался из земли и напоил всю поверхность земли. И сделал тогда бог-Ягве человека из праха земного и вдохнул в нос его дыхание жизни. И стал тогда человек живым существом.

«И насадил Ягве-бог сад в Эдеме, далеко на востоке, и поместил там человека, которого создал.

«И произрастил Ягве-бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла. И выходит в Эдеме река для орошения сада, и там она разделяется и образует четыре главных реки. Имя первой Фисон (прорывающаяся), это та, которая обтекает всю землю Хавила, где лучшее золото; и золота этой страны хорошее; там бдолах (благородная смола) и камень «шога» (неизвестно, какой минерал назывался таким именем; в русском переводе Библии он называется «оникс»). Имя же второй реки Гихон (Геон—проистекающая); это—та, которая обтекает всю страну Куш. Имя третьей реки Тигр. Это—та, которая протекает к востоку от Ассирии. А четвертая река это—Евфрат.

«И взял Ягве-бог человека и поселил его в саду Эдемском, чтобы возделывать и хранить его. И повелел Ягве-бог человеку, говоря: «от всякого дерева в саду ты можешь спокойно есть: а от дерева познания добра и зла—от него ты не можешь есть. Ибо в день, в который ты вкусишь от него, воистину ты должен умереть».

«И сказал бог-Ягве: не хорошо быть человеку одному. И хочу сотворить ему помощника, естественного ему. И вот бог-Ягве сделал из праха всех животных полевых и всех птиц небесных и привел их к человеку, чтобы видеть, что он скажет им. И всё, что сказал бы им человек, так и было бы имя им. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым. И для человека не нашлось помощника, который соответствовал бы ему.

«И навел бог-Ягве на человека волшебный сон. и заснул он. И взял одно из ребер его и закрыл то место плотью. И создал бог-Ягве

из ребра, которое он взял у человека, жену и привел ее к человеку. И сказал человек: «это кости от костей моих и плоть от плоти моей. Она будет называться Ииша (женщина), ибо взята от Ии (мужа)».

В этом сообщении говорится, что бог создал небо и землю, но сейчас же выходит, что земля уже существовала. Все дело сводится к тому, что она была еще совершенно голая, так как Ягве-бог (Ягве-Элогим) еще не посылал дождя: и еще не было людей, которые возделывали бы землю. Но вот из земли без всякого содействия и вмешательства Ягве-Элогима, сам собою вырвался поток воды (под соответствующим еврейским словом можно разуместь и поднимающийся из земли сырой туман), который оросил поверхность земли. Лишь после того, как земля сделалась плодородной, Ягве-Элогим сделал из земли первого человека, сначала только мужчину, вдохнул в него жизнь и поселил его в раю, в саду Эдеме, лежащем далеко на востоке. Но Адам заскучал, и, чтобы создать для него общество, Ягве-Элогим сделал, опять-таки из земли, всевозможных четвероногих и птиц и приводил их к человеку, который давал им названия по своему усмотрению. Следует особо отметить, что для этого рассказа водные животные не существуют. Но первый человек (мужчина) все еще был недоволен. Тогда Ягве-Элогим заставил его заснуть, взял у него ребро и создал из последнего женщину.

Такое сказание могло возникнуть только среди народа, который занимался земледелием, но жил в сухой области и зачастую тщетно и долго ожидал дождя. Согласно этой легенде, первоначальное состояние — иссохшая земля, лишенная воды голая поверхность, на которой ничего не растет, потому что нет возделывателя. Такое представление могло возникнуть лишь у народа, живущего в безводной стране, но уже занимающегося земледелием. Он не знает дикой пышной растительности, иначе непонятным был бы тот взгляд, что для произрастания растений необходима обработка земли человеком. Правда, потом говорится, что в саду Эдеме берут начало четыре реки; но эта вставка сделана, по всей вероятности, теми, кто впоследствии перерабатывал этот рассказ. Во всяком случае авторы мифа не имеют никакого понятия о великих водных пространствах, о морях и океанах, а также об областях, покрытых диким первобытным лесом. В соответствии с этим Ягве-Элогим создал только полевых зверей и птиц; животных, обитающих в воде, для этого мифа о сотворении мира не существует.

В вопиющем противоречии с этим сказанием стоит легенда о сотворении мира, рассказанная в первой главе того же «Бытия». В ней говорится:

«В начале сотворил бог (Элогим) небо и землю.

«Земля же была пустыня, и пустота и тьма покрывала тегом (первобытное море). И дух божий носился над водами. И сказал бог: да будет свет. И был свет. И увидел бог свет, что он хорош. И произвел бог разделение между светом и между тьмою. И бог назвал свет днем, а тьму он назвал ночью. И был вечер и было утро: день один.

«И сказал бог: да будет твердая стена посреди воды и да отделит она воду от воды. И бог сделал твердую стену и произвел таким образом разделение между водами, которые под стеною, и между водами, которые над стеною. И произошло так. И был вечер, и было утро: день второй.

«И сказал бог: да соберутся воды, которые под небом, в одно место, и да появится суша. И произошло так. И бог назвал сушу землею, а собрание вод он назвал морем. И увидел бог, что это хорошо.

«И бог сказал: да произрастит земля растения: травы, рассеивающие семя, по роду их, и деревья плодовые, приносящие плоды, в которых семя по роду их. И произошло так. И произвела земля растения: травы, рассеивающие семя по роду их, и деревья, приносящие плоды, несущие в себе семя в соответствии с родом их. И увидел бог, что это хорошо. И был вечер и было утро: день третий.

«И сказал бог: да возникнут светила на твердой стене небесной, чтобы прояснить разделение между днем и ночью. И они должны служить для знамений и времен, и дней и годов. И да послужат они светильниками на твердой стене небесной, чтобы светить над землею. И произошло так. И сделал бог два светила великие: светило большее, чтобы управлять днем, а светило меньшее, чтобы управлять ночью, и звезды. И укрепил их бог на твердой стене небесной, чтобы светить на землю, и управлять во дни и в ночи и чтобы произвести разделение между светом и тьмою. И увидел бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый.

В этом мифе мы на каждом шагу встречаемся с представленным о великих, колоссальных массах воды. Сначала существовало великое первобытное море, покрытое тьмою. И первым деянием бога, — который постоянно называется здесь просто Элогим, — было не сотворение человека, как в сказании, приведенном выше. Здесь еще приходилось создать землю, пригодную для обитания: надо было сотворить дневной свет и потом собрать воды первобытного моря в определенные места. Благодаря чему, посреди этого моря возникли сухие пространства земли. Затем, как дальше рассказывает тот же миф, Элогим велел произрасти растениям. И лишь позаботившись о снабжении пищей, Элогим переходит к созданию мира животных.

Об этом в «Бытии» рассказывается так:

„И сказал бог: да населится вода живыми существами, и птицы да полетят над землею, по твердой небесной стене. И сотворил бог больших морских животных и всех живых существ, которые ползают, которыми кишат воды по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел бог, что это хорошо. И благословил их бог, говоря: плодитесь и размножайтесь и наполняйте воды в морях, а птицы да размножаются над землею. И был вечер, и было утро: день пятый.

«И сказал бог: да произведет земля живые существа по роду их, скотов, и гадов, и диких зверей по роду их. И стало так. И создал бог диких зверей по роду их, и скот по роду его, и всех гадов зем-

ных по роду их. И увидел бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день шестой».

Таким образом бог создает прежде всего морских животных („рыб больших“), потом водяных птиц и лишь после того земных животных, из числа которых особо упоминаются дикие звери, ползательный скот и пресмыкающиеся.

Только после того, как созданы были все животные, бог ставит человека владыкой над ними; но он не создает сначала мужчину и потом из его ребра женщину: он разом, в одно и то же время, создает мужчину и женщину по своему собственному образу. Русский перевод „Бытия“ в синодальном издании говорит об этом так:

• «И сказал бог: сотворим человека по образу нашему и по подобию нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами пресмыкающимися по земле. И сотворил бог человека по образу своему; по образу божию сотворил его: мужчину и женщину, сотворил их».

Перед нами явным образом представления, различные в самой своей основе. В последнем рассказе (глава первая „Бытия“) дело начинается с первобытного моря, охватывающего всю землю; важнейший отдел мира животных — водяные животные. Напротив, в первом рассказе (глава первая «Бытия») первобытная земля — голая и безводная. Он ни словом не упоминает о морях и океанах и о водяных животных.

Как уже упомянуто, такие представления могли возникнуть только в безводных областях, — напр., на засушливых плоскогорьях Ханаана. Родина же представлений о громадном первобытном море, охватывающем всю землю, несомненно, приморские побережья и скорее всего — группы островов, затерявшиеся среди необозримых водных пространств. Жители этих областей видят перед собою толы о широкое, бесконечное море, и морские животные дают главную, основную часть предметов их питания. Они совершенно естественно думают: сначала было широкое море и ничего больше. Только впоследствии вода отлила в другие области, или же отдельные участки морского дна вынырнули наружу вследствие движений огромного морского чудовища (извержения подводных вулканов), или же на землю свалились громадные массы небесного свода. По той или иной из этих причин, во всяком случае, должна была образоваться твердая земля, суша.

Действительно, подобные представления — самые распространенные среди островитян. Возьмем, напр., миф о сотворении мира у гавайцев (жителей Сандвичевых островов). Они рассказывают, что сначала существовало огромное морское пространство, над которым в ванинонимо (в безграничном просторе) носился бог Тангалоа. Он послал свою дочь Тури (морского жаворонка) посмотреть, не видно ли твердой сухой земли. Но она не нашла места, где могла бы опуститься и отдохнуть, и измученная возвратилась назад. Тогда Тангалоа низверг в море скалу, выломанную из небесного свода. Так возникли Гаваи, и на камнях, омы-

Эти мифы явным образом сходны с первым сказанием Библии («Бытие», глава 1) о сотворении мира. Но откуда такие воззрения могли появиться у евреев? Окружающая их природа была такова, что она делает скорее понятным, как могло возникнуть второе сказание («Бытие», глава 2).

Некоторые исследователи утверждали, что первое сказание заимствовано евреями из Месопотамии, от ассирийцев и вавилонян или же от древних египтян. А в Месопотамии и в Египте такие воззрения зародились в связи с наводнениями, которые ежегодно производят Тигр и Евфрат. Однако, надо признать, что от речных наводнений, какими бы огромными они ни были, не легко дойти до представления о великом первобытном море, охватывающем всю землю. И, дальше, откуда явилась бы у обитателей речных долин мысль о громадных речных чудовищах? Приходится согласиться, что первоисточник первого сказания Библии о сотворении мира надо искать в ином направлении.

Такие воззрения не могли возникнуть в самой Месопотамии, в долине Тигра и Евфрата. Но обитатели этой долины, напр., вавилоняне, по языку родственные евреям (семиты), могли заимствовать их — и несомненно заимствовали — у покоренных ими первоначальных обитателей этой долины, у сумерийцев. За пять с лишним тысячелетий до нашего времени этот народ жил в южной части позднейшего Вавилона. Клинообразные надписи, сохранившиеся в развалинах Вавилона, дают возможность установить, каковы были сумерийские мифы о сотворении мира. И вот мы видим, что для этих мифов дело начинается с необъятного первобытного моря. Очень красноречивы также многие имена, встречающиеся в позднейших семитско-вавилонских мифах, явным образом взятые у сумерийцев. Так, напр., Ану, бог неба и отец богов у семитов Вавилона тождествен с Анна, духом неба у сумерийцев. Эа, позднейший бог земли, это тоже самое, что и Инкиа, — в сокращении Иа, — первоначальный бог «водного обиталища», т. е. земли: по представлениям сумерийцев, земля первоначально была просто великим воднымместилищем, и потому в сумерийских заклинаниях Иа нередко отождествляется с Абцу, первобытным океаном. А это водноеместилище, полагали сумерийцы, было наполнено бау, т. е. первобытным илстым морем.

Самое слово бау перешло от сумерийцев к семитам-вавилонянам. У последних оно приняло форму «богу» и означало первобытное состояние земли. От вавилонян же это слово перешло в еврейские сказания о сотворении мира. Первая глава «Бытия» начинается рассказом о том, что земля была «тогу ва богу». Эти еврейские слова обыкновенно переводятся словами «безвидна и пуста», представляла первоначальный «хаос», была «пуста и пустынна». Но, в соответствии с первоначальным смыслом сумерийского слова «бау», их было бы правильное переводить словами: представляла «пустынное первобытное море». Только это и делает понятным, почему в библийском рассказе о сотворении мира следом за приведенными словами говорится о «первобытном море» («воды» синодального издания русского перевода; сумерийско-вавилон-

ское тамту, еврейское тегом), над которым носился дух божий (в более точном переводе—дыхание бога, по-еврейски—руах Элогим). Это первобытное море тождественно с сумерийским бау, вавилонским богу, — первоначальной водной ширью.

На этом исследовании пока прерывается: для его продолжения наши знания недостаточны. Ближайший вопрос естественно гласит: откуда и каким образом у самих сумерийцев явилось представление о первобытном море, существовавшем до сотворения мира. Сами ли они до вторжения в Месопотамию, в долину Тигра и Евфрата, некогда жили на берегу какого-нибудь моря? Или же они, в свою очередь, заимствовали это представление у какого-нибудь другого народа? Наука пока не дает ответов на эти вопросы. Это и не удивительно. Изучение древних сумерийцев и сопоставления их воззрений с воззрениями современных народов, стоящих на низкой ступени культуры, начались очень недавно, в самое последнее время.

Одно несомненно: в Библии дан не один рассказ о сотворении мира, а два совершенно различных рассказа, плохо согласующихся между собою. Соответствующие места «Бытия» — беспорядочная смесь разнородных, прямо противоречивых древних преданий. Тот же вывод получится, если обратиться к тому, что говорится в этих сказаниях о женщине.

По главе первой «Бытия», стих 27, Элогим создал мужчину и женщину одновременно по своему образу и подобию. По главе второй того же «Бытия» женщина создана из ребра мужчины. Она — часть мужчины, и потому на еврейском языке называется ишша, так как она произошла от иш, т. е. от мужчины. Но хотя она — часть мужчины и создана для него, чтобы составить ему общество, однако, она не является существом, которое ниже, чем мужчина. Мужчина восторженно приветствует ее словами: «вот это кость от кости моей и плоть от плоти моей». Чтобы показать, какую ценность представляет она для мужчины, глава 2, стих 24 говорит: «потому оставит мужчина отца своего и мать свою и прилепится к жене своей, чтобы оба составляли одну плоть». Женщина для мужчины выше всего, выше отца и матери, и цель их совместной жизни — превращение «в одну плоть», размножение.

Можно думать, что в этом месте отразились воспоминания о тех временах, когда женщина занимала выдающееся положение, — о временах так называемого матриархата или материнского права, когда женщина играла такую роль, перед которой ступеньвалась роль мужчины. Такое состояние общества предшествовало эпохе патриархата или отцовского права, при котором господство перешло к старейшему мужчине в роде или в семье. При матриархате не жена переходила в род мужа, (или семью) а, наоборот, мужчина следовал за женою в ее род. Значит, он, действительно, оставлял отца своего и мать свою и прилеплялся к жене. Так как последняя оставалась в своем роде, среди своих родственников, то уже одно это обстоятельство обеспечивало ей цвезственный перевес над женщиной.

И еще некоторые обстоятельства подтверждают, что у древних евреев некогда существовало материнское право. Происхождение считалось у них, по всей вероятности, не по мужской линии, как велось в позднейшие времена и ведется теперь, не по отцу, а по женской линии, по матери. Многие женские имена у евреев первоначально были названиями не отдельных лиц, а целых родов. Таковы, напр., имена Лия, Рахиль, Сара, Агарь, Сильфа, Билга. Это были так-называемые тотемистические имена, и некоторые из них непосредственно происходят от названий животных*).

Совсем другие воззрения в главе 3-й «Бытия», в мифе о рае. Они представляют полную противоположность воззрениям второй главы. В противоположность второй главе, глава третья видит цель женщины не в размножении рода человеческого: половые отношения — грех, на который похотливая женщина коварно совращает мужчину; злодеяние повлекло за собою изгнание первой человеческой четы из сада Эдема и навлекло на род человеческий скорбь, тяжкий труд и нужду. Ягве-Элогим, обращаясь к женщине, с презрением говорит: «умножая, умножи скорбь твою в беременности твоей. В муках будешь рождать сыновей, и, тем не менее, будет у тебя влечение к мужу твоему. И он, он будет господствовать над тобою».

Господствовать будет мужчина, а не похотливая женщина, которая столь презренна, что хотя она рождает в муках, тем не менее, снова и снова влечется к половым сношениям с мужчиной.

Да и творец является в этом мифе совсем не таким существом, как в первом. Только в первой главе «Бытия» он называется Элогимом, — с действительным значением этого слова мы познакомимся впоследствии. Во второй и третьей главах он называется, напротив, Ягве-Элогим и представляется совершенно другим существом. Иудейский Ягве-Элогим — бог довольно-таки неловкий и невежественный. Чтобы развлечь человека, он создает животных, но не в силах найти для него подходящего товарища. Когда же в конце-концов он создает женщину, он не творит ее просто из ничего, одним своим властным велением, а применяет для этого длинную процедуру. Дело с его всеведением обстоит тоже очень плохо; в самом деле, когда первая пара людей вкусила от дерева познания, Ягве догадывается о происшедшем, но, чтобы вполне удостовериться в этом, ему приходится произвести допрос Адама.

Выше бог первой главы, в которой, в общем, отразились вавилонские религиозные представления. Но и эта глава не представляет чего-либо единого и целостного, она тоже составлена из различных частей, более древних с одной стороны и позднейших — с другой.

В самом начале первой главы говорится: «Вначале сотворил Элогим небо и землю». А следом за тем рассказывается, что земля была пуста и пустыня, и дух божий носился над первобытными водами. Что

*) Из дальнейшего изложения будет ясно, что это значит. Сравни также Г. Кунов «Возникновение религии и веры в бога». Пер. П. Степанова. Изд. „Коммунист“, глава IV.

же, Элогим создал и хаос.—это первобытное море? Но почему же он разом не сотворил плодородную землю? Удивительно, в самом деле, что, согласно этому мифу о сотворении мира, Элогим сначала создает неупорядоченную "пустую массу, первобытное море, и лишь потом повторное вмешательство того же самого бога вносит постепенные улучшения, и из хаоса вступают в бытие отдельные составные части этого бытия. Предположение, что мир развился из первоначального хаоса, решительно несовместимо с понятием сотворения всего всемогущим богом, одно слово которого может вызвать мир из ничего. Хаос, как вытекает из самого понятия, не был сотворен. С понятием хаоса связывается понятие о естественном развитии, с понятием сотворения—представление о внезапном сверхестественном возникновении. К тому же, мы видим, что в сумерийском мифе о сотворении мира,—в том мифе, из которого при посредстве вавилонских семитов было заимствовано это представление о первоначальном, о первичном море,—последнее не создано богом, а, согласно сумерийско-вавилонским воззрениям, существовало искони. В виду этого остается только предположить, что слова: «Вначале сотворил Элогим небо и землю» были вставлены лишь впоследствии, —к вящему прославлению бога:

Это стремление богу, тяжким трудом творящему мир, противопоставить всемогущего бога, которому стоит изречь только повеление, чтобы тотчас возникло бы желаемое, снова и снова обнаруживается в первой главе. Так, напр., в главе 1 стихи 6—8 мы читаем:

«И сказал бог: да будет твердая стена посреди воды, и да отделяет она воды от вод. И сделал бог твердую стену и произвел таким образом разделение между водами, которые под стеною, и между водами, которые над стеною. И произошло так. И назвал бог стену небом. И был вечер и было утро: день второй.

«И сказал бог: да соберутся воды, которые под небом, в одно место, и да явится суша. И произошло так».

Сначала Элогим повелевает: «да будет стена». И тотчас возникает стена. А потом он еще раз делает ту же самую стену: тяжелый труд, который, вместе с другими работами, выполненными в ближайшие дни, требует от него такого напряжения, что на седьмой день ему по необходимости приходится отдохнуть. Но ведь действительно всемогущий бог едва ли мог бы устать, если бы каждый день ему просто стоило только изречь повеление. Из этого с несомненностью следует, что слова: «И сказал Элогим» и т. д. были вставлены лишь в позднейшее время. Самые древние слова в этом тексте—это, несомненно: «И одел бог твердую стену для разделения между водами» и т. д. В сумерийско-вавилонских мифах мы встречаемся точно с таким же представлением: над «раздельной стеной», т. е. над твердым небесным сводом, находятся огромные колышущиеся массы воды, которые удерживаются от падения только крепкими засовами и задвижками. В «Ригведе»—собрании религиозных гимнов древних арийцев Индостана—мы нередко наблюдаем то же самое представление: над небесным сводом находится широкое

первобытное море. То же и во многих мифах у народов, живущих на островах в южной части Тихого Океана. Так, напр., новозеландцы полагают, что всемирный потоп возник по той причине, что бог Таваки в гневе сильно толкнул ногою в пол небесного свода, проломил его, и потоки океана, находящегося над сводом, хлынули на землю.

Сравнение стихов 3—5 со стихами 14—19 в главе первой с еще большею ясностью показывает, что эта глава возникла из различных взаимно несогласованных преданий. Выходит, как будто бог дважды создавал дневной свет (солнце) и ночной свет (луну): сначала в первый день творения и потом еще раз—в четвертый день.

Каким образом получилось такое двоякратное внутренне противоречивое творение? Богодесовы прилагают все силы, чтобы вывернуться из затруднений, но у них ничего не выходит.

Между тем дело объясняется достаточно просто. Народы, которые еще не пришли к уразумению солнечной системы, полагают, что дневной свет исходит вовсе не от солнца. Ведь рассветает и темнеет в такое время, когда солнце и луна еще не показались на небе или еще не опустились за горизонт. Из этого факта народы, стоящие на низкой ступени культуры, делают тот вывод, что дневной свет не зависит от света солнца, что тот и другой отличаются друг от друга. Очень любопытно в этом отношении, как изменилось представление о дневном свете у древних перуанцев. Сначала в дневном свете (пуншау) они видели просто противоположность ночной тьме (тута) и не олицетворяли его в виде какого-либо определенного бога. Затем, когда возникло внимание, что дневной свет происходит от солнца, древние перуанцы олицетворяют его, называют в молитвах Апушупау (т.-е. владыка или бог) дневного света и впоследствии отождествляют его с Инти, солнцем.

То же было и с сумерийцами. Они тоже сначала считали дневной свет явлением, не зависящим от солнечного света. Но их преемники, вавилоняне-семиты, уже совершенно отчетливо представляли себе причину смены дня и ночи. Для них солнце было дневным светлом, луна—ночным светлом, ночным светом. И стихи 14—18 в первой главе Библии возникли лишь в позднейшее время и соответствуют той эпохе, когда астрономия у вавилонян уже сделала серьезные завоевания,— иначе в стихе 14 не говорилось бы, что светила служат «для знамений и для определения времен и дней и годов».

То противоречие, что дневной свет создается два раза, объясняется очень просто: в этом мифе о сотворении мира переплетаются различные представления, возникшие в различные эпохи развития.

Таким образом, у нас получается следующий результат. Библейская история сотворения мира это—смесь разнообразных ханаанских, сумерийско-вавилонских и семитско-вавилонских элементов, которые впоследствии были соединены, переработаны и приспособлены частью для оправдания празднования субботы, частью для прославления Алогима-Ягве

3. Всемирный потоп.

Подобно мифу о сотворении мира, библейское сказание о всемирном потопе явно представляет смесь разнородных легенд. И уже давно критика Библии пришла к тому, что она различает, по меньшей мере, два основных сказания о потопе: элогистское и ягвистское, т. е. то, в котором бог называется Элогим, и то, в котором ему дается имя Ягве. Но дело не только в имени бога, а и в содержании сказаний. Первое сказание заключается в «Бытии»; глава шестая, стихи 13—22, затем глава седьмая, стихи 6—9, 11, 13, 15, до половины 16-го, 18—21 и 24, а также глава восьмая, стихи до половины второй, с половины третьего до 5, 13—19, и глава девятая, стихи 1—17. Остальные части главы шестой со стиха 5 до конца восьмой главы, относятся к ягвистскому сказанию о потопе.

Чтобы яснее представить различие этих сказаний, мы приведем их отдельно по синодскому изданию русского перевода Библии, причем, вместо «бог» в соответственных местах вставим только Элогим или Ягве.

Итак, элогистское сказание о потопе гласит:

«И сказал Элогим Ною: конец всякой плоти пришел пред лице мое, ибо земля наполнилась от них злодеяниями; и вот я истребляю их с земли. Сделай себе ковчег из дерева гофер; отделения сделай в ковчеге и осмоли его смолою внутри и снаружи. И сделай его так: длина ковчега триста локтей; ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей. И сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверх, и дверь в ковчег сделай с боку его; устрой в нем нижнее и второе и третье жилище».

«И вот я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни. Но с тобою я поставлю завет мой, и войдешь в ковчег ты и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою».

«Введи также в ковчег из всякого скота и из всех гадов, и из всех животных, и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобою в живых; мужского пола и женского пусть они будут. Из всех птиц по роду их, и из всех скотов по роду их, и из всех пресмыкающихся по земле по роду их, из всех по паре войдут к тебе, чтоб остались в живых с тобою, мужского пола и женского. Ты же возьми себе всякой пищи, какую питаются, и собери к себе. И будет он для тебя и для них пищею. И сделал Ной все, как повелел ему Элогим, так он и сделал»...

«Ной же был шестисот лет, как потоп водный пришел на землю. И вошел Ной и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним в ковчег от вод потока. И из птиц чистых и птиц нечистых, и из скотов чистых и из скотов нечистых, и из зверей и из всех пресмыкающихся по земле по паре, мужского пола и женского, вошли к Ною в ковчег, как Элогим повелел Ною»...

«В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники небесной бездны и окна небесные отворились».

«В сей самый день вошел в ковчег Ной и Сим, Хам и Иафет, сыновья Ноевы, и жена Ноева, и три жены сынов его с ними».

«И вошли к Ною в ковчег по паре (мужеского пола и женского) от всякой плоти, в которой есть дух жизни. И вошедшие к Ною в ковчег мужской и женский пол всякой плоти вошли, как повелед ему Элогим».

«Вода же усиливалась и весьма умножалась на земле, и ковчег плавал по поверхности вод. И усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом. На пятнадцать локтей поднялась над ними вода, и покрылись все высокие горы».

«Вода же усиливалась на земле сто пятьдесят дней».

«И вспомнил Элогим о Ное и о всех зверях, и о всех скотах, и о всех птицах, и о всех гадах пресмыкающихся, бывших с ним в ковчеге; и навел Элогим ветер на землю, и воды остановились. И закрылись источники бездны и окна небесные».

«И стала убывать вода по окончании ста пятидесяти дней. И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских. Вода постоянно убывала до десятого месяца; в первый день десятого месяца показались верхи гор».

«Шестисот первого года жизни Ноевой к первому дню первого месяца иссякла вода на земле: и открыл Ной кровлю ковчега и посмотрел, и вот, обсохла поверхность земли. И во втором месяце, к двенадцать седьмому дню месяца земля высохла. И сказал Элогим Ною: выйди из ковчега ты и жена твоя, и сыновья твои, и жены сынов твоих с тобою: выведи из ковчега всех животных, которые с тобою, от всякой плоти, из птиц, и скотов, и всех гадов, пресмыкающихся по земле, пусть разойдутся они по земле и пусть плодятся и размножаются на земле. И вышел Ной и сыновья его, и жена его, и жены сынов его с ним; все звери, и весь скот, и все гады, и все птицы, все движущееся по земле, по родам своим, вышли из ковчега».

Выписок из главы десятой мы не приводим, потому что здесь идет речь не о всемирном потопе, а о том завете, который Элогим после потопа заключил с Ноем и «всякою душою живою во всякой плоти». Отметим только стихи 3—5, которые представляют для нас интерес в связи с одной из последующих глав. Элогим говорит Ною и сыновьям его:

«Все движущееся, что живет, будет вам в пищу; как зелень травную, даю вам все. Только плоти с душою ее, с кровью ее не ешьте. Я взящу и вашу кровь, в которой жизнь ваша, взящу ее от всякого зверя, взящу также душу человека от руки человека, от руки брата его».

Те части, которые вошли в Библию из яввитского сказания о потопе, таковы:

«И увидел Ягве, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Ягве, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце своем. И сказал Ягве: истреблю с лица земли человеков, которых я сотворил, от человека до скотов и гадов и птиц небесных истреблю; ибо я раскаялся, что создал их. Ной же обрел благодать пред очами Ягве. Вот житие Ноя: Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил перед Ягве. Ной родил трех сынов: Сим, Хама и Хафета. Но земля растлилась пред лицом Ягве и наполнилась земля злодеяниями. И воззрел Ягве на землю, и вот она растлева; ибо всякая плоть извратила путь свой на земле».

«И сказал Ягве Ною: войди ты и все семейство твое в ковчег, ибо тебя увидел я праведным предо мною в роде сем; и всякого скота чистого возьми по семи, мужского пола и женского, а из скота нечистого по два, мужского пола и женского; а также из птиц небесных чистых по семи, мужского пола и женского, а из всех птиц нечистых по два, мужского пола и женского, чтобы сохранить племя для всей земли; ибо через семь дней я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей, и истреблю все существующее, что я создал, с лица земли».

«Через семь дней воды потопа пришли на землю»...

«И лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей»...

«Они и все звери земли по роду их, и всякий скот по роду его, и все гады, пресмыкающиеся по земле, по роду их, и все летающие по роду их, все птицы, все крылатые (вошли к Ною в ковчег)... и затворил Ягве за ним ковчег. И продолжалось на земле наводнение сорок дней и сорок ночей, и умножилась вода, и подняла ковчег, и он возвысился над землею»...

«И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди: и все, что имело дыхание духа в ноздрях своих на суше, умерло. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности всей земли: от человека до скота, и гадов и птиц небесных, все истребилось с земли, остался только Ной, и что было с ним в ковчеге»...

«И перестал дождь с неба... По прошествии сорока дней, Ной открыл сделанное им окно ковчега и выпустил голуба, чтобы видеть, ушла ли вода с земли, который, взлетев, отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды. Потом выпустил от себя голуба, чтобы видеть, сошла ли вода с лица земли. Но голубь не нашел места покоя для ног своих и возвратился к нему в ковчег, ибо вода была еще на поверхности всей земли; и он простер руку свою и взял его, и принял к себе в ковчег. И пожедал еще семь дней других и опять выпустил голуба из ковчега. Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот свежий масличный лист во рту у него; и Ной узнал, что вода сошла с земли. Он пожедал еще семь дней других и опять выпустил голуба; но он уже не возвратился к нему»...

«И устроил Ной жертвенник Ягве, и взял из всякого скота чистого и из всех птиц чистых и принес во всесожжение на жертвеннике. И обнял Ягве принятое благоухание, и сказал Ягве в сердце своем: не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как я сделал».

«Впредь во все дни земли сеяния и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся».

Разделение этих двух сказаний не представляет никаких затруднений. Во-первых, в одном сказании бог постоянно называется Элогимом, в другом Ягве. Во-вторых, в злогистском рассказе говорится, что Ной взял в ковчег по одной паре всех животных, чистых и нечистых; напротив, в ягвистском рассказе «чистые» четвероногие и птицы выделены, тех и других взято по семи пар (священное число у евреев). Далее, в злогистском рассказе потоп происходит от «источников великой бездны», — от первобытного моря; от тех вод, которые «над твердой стеною небесной», от того, «что окна небесные отворились», и вода поднимается в течение 150 дней. Напротив, для ягвистского рассказа причина потопа — только дождь, и потоп продолжается всего 40 дней. Дальше, по первому сказанию вода убывала по обычному счету 5^{1/2} месяцев, а по второму — всего трижды по семи дней или 21 день в т. д.

Изучающие Библию обыкновенно видят в сказании о потопе два различных мифа. Но было бы легко показать, что и каждый из этих мифов не представляет чего-либо единого, — что они, в свою очередь, составлены из различных частей. Трудно только решить, возникло ли это сочетание таким образом, что были соединены уже записанные сказания, — или же соединение произошло раньше записи, еще в то время, когда предания о потопе передавались в виде устных сказаний.

Приведем только один пример, показывающий, что в злогистском сказании соединены различные мифы, так и оставшиеся несогласованными.

В нем говорится, что всемирный потоп начался на шестисотом году жизни Ноя, в семнадцатый день второго месяца, затем вода поднималась 150 дней и после того стала убывать: так что в семнадцатый день седьмого месяца, следовательно, по истечении ровно пяти месяцев от начала потопа, ковчег остановился на горах Араратских; однако, вода просыхала (псыкала) еще до первого дня шестисот первого года жизни Ноя.

Таким образом, подъем воды продолжался ровно пять месяцев или 150 дней. Месяц принимается за 30 дней. Это соответствует такому исчислению солнечного года, какое мы встречаем, напр., у древних хананитов (хананеян) и египтян, которые считали в солнечном году 12 месяцев по 30 дней и в конце года прибавляли 5 дополнительных дней. Таким образом у них получалось в году 365 дней. Напротив, евреи исчисляли время по лунным годам, продолжительностью в 354 дня (шесть месяцев по 30 дней и шесть — по 29 дней), и потом, со-

ра известными промежутки времени, присоединяли добавочный месяц, чтобы согласовать свое исчисление лет по луне с солнечным годом. Чтобы из обыкновенного лунного года в 354 дня получить солнечный год, к первому надо прибавить 11 дней.

Следовательно, приравнение пяти месяцев 150- дням идет не из еврейского источника. Но затем проходят еще $5\frac{1}{2}$ месяцев, пока, наконец, в первый день шестсот первого года жизни Ноя не начался новый период в существовании земли. Значит, всемирный потоп продолжался $10\frac{1}{2}$ месяцев.

Однако на ряду с этим исчислением времени в элогимистский текст вставлено и другое. По этому исчислению вершины гор показались только в первый день десятого месяца (глава восьмая, стих 5-й), и только в двадцать седьмой день второго месяца, на шестсот первом году жизни Ноя обсохла земля (глава восьмая, стих 13; 14). Следовательно, потоп продолжается двенадцать месяцев (по еврейскому исчислению 354 дня) и одиннадцать дней, т.-е., в общей сложности 365 дней, или ровно солнечный год.

Богословы не видят, что в сказании о потопе отслонились различные мифы. Для них различные сказания, из которых явным образом составлено большинство отделов в «Бытии», несмотря на свою очевидную разнородность, представляют полное внутреннее единство. Богословы не замечают, что эта разнородность указывает на различие областей, в которых возникли соединенные впоследствии части библейских сказаний.

Однако, на кое-что в рассказе о потопе и богословы не могли закрывать глаза до бесконечности. Так, напр., им приходится признать, что глава восьмая, стих 13, рассказывает, что земля уже высохла («шестсот первого года жизни Ноевой к первому дню первого месяца иссякла вода на земле»), а затем глава восьмая, стих 14, говорит, что земля высохла только теперь, спустя один месяц и 27 дней после указанного времени («и во втором месяце, к двадцать седьмому дню месяца, действительно земля высохла»). Но они не хотят видеть, в чем источник противоречия. Они полагают, что эта неточность вытекает из различия двух систем исчисления времени, между тем, как перед нами, несомненно, три различных системы: одна в явистском и две в элогимистском сказании.

Один из вероятных ближайших источников библейского сказания о потопе известен давно. В 1872 году Джордж Смит, — ученый, занимавшийся исследованием ассирийских древностей, — открыл стихи о всемирном потопе. Этот вавилонский миф очень близко напоминает библейский рассказ. Правда, клинообразная надпись, в которой содержатся эти стихи, относится к седьмому столетию до Р. Х., — т.-е. тысячи, за две с половиной годов до нашего времени; но самое сказание, несомненно, сначала передававшееся устно, много древнее.

Не так давно профессор Гильпрехт, выдающийся исследователь вавилонских древностей, открыл много более древнее вавилонское пре-

дание о всемирном потопе. Он собрал обломки найденной на каменной доске с высеченными на ней надписями и, таким образом, получил отрывок сказания о потопе. Это чрезвычайно древние письмены. Гильбрехт предполагает, что они относятся к двадцать второму веку до Р. Х., — т. е., более, чем за четыре тысячи лет до нашего времени. Может быть, ещё важнее другой результат изысканий Гильбрехта. На основании тщательного изучения надписей он пришел к убеждению, что сказание о всемирном потопе заимствовано от шумерийцев и представляет просто позднейший перевод на семитско-вавилонский язык. Таким образом, шумерийским оказывается происхождение не только вавилонского мифа о сотворении мира, но и вавилонского мифа о всемирном потопе. Следует отметить, что и это древнейшее сказание о потопе видит причину его не в продолжительном дожде, а в том, что воды поднялись из глубины. Такие представления о потопе встречаются в соответствующих мифах почти у всех островитян и обитателей приморских берегов.

Из всего этого получается тот вывод, что открыл ближайшие источники того или иного мифа, это — только часть дела. Необходимо идти дальше. Необходимо исследовать, у какого народа и каким образом первоначально возникло сказание.

Было бы совершенно неосновательно предполагать, что подобные мифы представляют сплошную выдумку, что в основе их не лежит никакого действительного происшествя.

Только сейчас мы упоминали, что мифы о потопе встречаются почти у всех диких народов, живущих на островах и на морских побережьях. В частности в подробностях они представляют большое разнообразие. Но большей части потоп не является „всемирным“ в точном значении этого слова. Немногие оставшиеся в живых, обыкновенно, спасаются таким способом, что им удается бежать на высокие горы, утесы и скалы, — или же их уносит туда бог, который в таких случаях мыслится о образе орла, грифа, вороны и т. д.

Далее, большинству этих мифов, четырем из пяти, чуждо представление о море воды, находящемся наверху, под небесной твердью. Потоп наступает не вследствие дождя, а потому, что массы воды поднимаются из великих рек, озер или моря; причину такого наводнения мифы не редко видят в страшном смерче (циклоне) или землетрясении. Сказания о потопе у народов на западном берегу Америки в особенности часто приписывают наводнения вулканическим явлениям.

Следовательно, в основе сказаний о потопе лежат раздутье воспоминания о бывших наводнениях. Нередко сразу видно, что в мифе о потопе переплетается несколько различных сказаний о сотворении мира. В таких случаях один миф становится мифом о первом сотворении мира, другой — мифом о его новом, повторном сотворении. Старая земля совершенно уничтожается в массах воды, — иногда вследствие борьбы старого бога с новым, — нередко гибнут и все люди, и тогда новый бог создает совершенно новую землю. При этом бывает и так,

что в сказаниях у народов соседних областей последовательность происшествий оказывается совершенно различной. Примеры тому можно наблюдать у народностей в центральной Америке и в средних областях Кордильеров Южной Америки. То, что, по сказаниям одного народа, произошло уже при первом творении мира, по сказаниям другого народа, совершилось лишь после потопа, и наоборот. А мифы некоторых племен рассказывают не об одном, а двоекратном, троекратном и даже четырехкратном крушении, гибели мира и его повторном создании.

4. Боги-отцы и сыны божи.

С такими сказаниями о потопе часто связываются мифы о происхождении того или иного рода и племени. Согласно мифам у некоторых народов, поднимающиеся массы воды уничтожают всю землю; после потопа остаются в живых только водяные животные и высоко летающие птицы. Следовательно, приходится творить людей заново. Это достигается разными способами. Иногда бог племени опять делает людей из земли или дерева и вдыхает в них жизнь; иногда он превращает в людей водяных животных, которые остались в живых; иногда же сам принимает вид водяного животного или птицы, вступает в половые сношения с животными того же вида и дает жизнь новым людям. Но почти всегда оказывается, что животное, из которого бог племени произвел людей, или образ которого он принял при акте зарождения, — что это самое животное является главным тотемом данного племени: по имени этого животного племя называет себя (племя орла, акулы и т. д.), это животное является для него не только как бы гербом, но и священным символом. Другие же народы рассказывают, что от потопа сумел спастись только один мужчина или одна женщина, и люди размножились таким образом, что бог племени (или богиня племени), который в таких случаях нередко представляется в образе животного, имел половые сношения с оставшимися в живых.

В качестве примера достаточно будет привести несколько мифов.

Обитатели островов Пелау (Баролинских) рассказывают, что до всемирного потопа среди жителей этих островов жили калиты (боги-предки). Но они по разным причинам перессорились с людьми. На их стороне осталась только одна старая женщина Мидатк. Чтобы покарать людей, калиты в первое полнолуние заставили море выйти из берегов. В живых осталась только Мидатк, потому что по повелению калитов она построила себе плот. Однако в конце-концов и она запуталась своими длинными волосами в дерево росшее на горе (а по другому варианту была столь простовата, что привязала плот к дереву, так что он мог подниматься только до некоторой высоты), и тоже утонула. Потоп миновал, и калиты нашли труп женщины. Чтобы слова

заселить группу островов, они велели одному из кацитов-женщин войти в труп, благодаря чему последний опять получил душу и воскрес из мертвых. Затем они вступили в половые сношения с ожившей Милате и породили таким образом пятерых детей, являющихся перво-родными пеллауанских племен.

Миф о потопе у индийцев крисов (книстено) тоже рассказывает, что потоп воды истребил все человечество, за исключением одной девушки Кваптау, которая уцепилась за ноги улетавшей испанинской птицы и была унесена ею на высокий утес. Там ее нашел оред (верховный тотемистический бог племени): он оплодотворил ее, и она родила двух близнецов, прародителей нового человечества.

Еще более замечателен миф о потопе у каньярисов (Эквадор). Они рассказывают, что два человека спаслись от потопы, забравшись на гору Куака-инан (значительно самое это название; оно означает: вершина бога рода). Когда потоп схлынул, их запасы пищи приплыли в конду. Они построили себе хижину и днем выходили на полюсы пищи. В один прекрасный день, возвратившись, они нашли в хижине разные съестные припасы и чичу (опьяняющий напиток племени). Это повторялось десять раз. Охваченные любопытством, братья решили, что один из них должен спрятаться и подсмотреть, кто же это такое доставляет им пищу. Первым засел в засаду старший. Он увидал, что прилетели два огромных сагуа (попугай) в одежде каньярисов, с такими волосатыми украшениями на головах, как носят в этом племени. Старший брат увидал, что у попугаев лицо прекрасной женщины, и бросился, чтобы поймать их, но они улетели. Счастливец оказался второй брат. Когда на третий день попугай опять прилетел, ему удалось поймать одного из них. Оба брата вступили в половые сношения с попугаем, который был в действительности богиней, и последняя родила шесть сыновей и дочерей, прародителей каньярисов. С того времени попугай почитался у каньярисов, как высший тотемистический бог. При религиозных торжествах его пестрые перья служили священным знаком.

Такие же мифы мы встречаем у многих других племен в южной части Тихого океана и в Америке. И, как бы различно ни было во-зникновение прародителей того или иного племени: воскресил ли их бог, сделавший их из мертвого вещества и вдохнувший в них свой дух (душу), или же они плотью родились от него, — во всяком случае оказывается, что и эти прародители, и их потомство обязаны своему богу своей жизнью, своей душой. Поэтому бог может потребовать от них душу обратно, и за то, что он оставляет ее людям, они должны умилостывлять его жертвами, главным образом кровавыми жертвами, потому что душа, живая иная сила, заключается в крови. Отношения между богом племени и порожденными им мыслятся, как своего рода договорные отношения («завет»): бог дарует им благополучие, силу и покровительство, они следуют его заповедям и возносят ему подкрепляющие кровавые жертвы.

В основе этих воззрений лежит получивший дальнейшее развитие анимизм, т. е. первоначальная вера в существование духов («призраки», «привидения») или душ.

Некоторые исследователи религии ищут ее первоначальных зачатков у древних культурных народов Передней Азии, Передней Индии или у греков Гомера. Они приходят к выводу, что первой ступенью в развитии религии было поклонение силам природы. Они странно образом забывают, что раньше, чем достигнуть того уровня культуры, на каком история застаёт упомянутые народы, они должны были пройти длинный путь развития. Не у них, а у современных дикарей, стоящих на низкой ступени развития, мы скорее всего сумеем раскрыть зародышевые ступени религиозных представлений. И только уравнивая эти ступени, мы будем в состоянии объяснить многое в религиях культурных народов.

У примитивных, диких племен нет никакого следа естественной религии, т. е. поклонения силам природы. Их религия — вера в существование духов («привидений»), которые мыслятся, как призраки, как копии умерших («души»). Эти невидимые духи обыкновенно носят в широких пространствах, и в зависимости от своей природы, стараются повредить или помочь человеку. Однако на известное время они часто поселяются в некоторых животных, растениях или камнях, которые благодаря этому превращаются в одушевленные предметы, в «обиталища духов».

С течением времени развиваются союзы между соседними родами (меж-родовые тотемистические союзы) и начинают играть важную роль в жизни людей, объединяющих в племена. Тогда все более выдвигается на первое место поклонение (культ) духам мифическим основоположников союзов, т. е. духам предков этих меж-родовых союзов и племен. Эти духи мыслятся в образе тех тотемистических животных, именем которых называются возникающие союзы. По крайней мере дело представляется таким образом, что эти духи предков, когда они хотят воплотиться, предпочитают вселяться в тех животных, которые являются тотемами их потомства, их родов. Следовательно, тотемистическое животное превращается в символ и в обиталище племенных и родовых богов. Тогда возникает то воззрение, что за тотемистическим животным нельзя охотиться, нельзя его убивать и есть и во всяком случае нельзя вкушать его крови, потому что в крови сидит душа, дух. Эти запреты не всегда касаются только того животного, которое является тотемом для собственного рода или группы родов: часто воспрещается есть и тех животных, которые являются тотемами близко родственных меж-родовых союзов. Но особенно великим грехом против духов предков является вкушение теплой крови: ведь вместе с кровью была бы съедена душа.

Какие формы принимает этот культ духов предков на высшей ступени развития, ясно показывает мир богов у древних перуанцев, в особенности у племен кечуа на плоскогорье Кордильеров. У каждого

из этих племен—свой племенной бог, бог-творец, почитаемый под именем Виракоча (все сотворивший), Пачакамах (одушевляющий землю), Пачачачих (назидающий землю) или Пачарурах (направляющий землю). Однако этот верховный бог у каждого отдельного племени имеет свои особые дополнительные имена и свои особые знаки власти, и каждое племя видит в нем своего особого творца. почему чанки, напр., обыкновенно призывают его, как творца чанков, инки—как творца инков и т. д.

Ниже его стояли гуаки, которые считались его творениями,—боги предков фратрий (тысяч) и отвечающих за последние меж-родовых союзов (сотен).

Как представляли себе инки возникновение этих богов показывает следующий миф, который записал Христовал-де Молна.

«Там, в Тиагуанако (на озере Титикаха), бог-творец (по окончании великого потопа) создал народы и племена, обитающие в тех областях. Он сделал из глины по одному человеку из каждого племени и на теле у них нарисовал одежду, которую они должны были носить. Точно так же тех, кто в будущем должен был носить длинные волосы, он наделил длинными волосами, а тех, которые должны были стричь волосы,—короткими волосами. Затем каждому племени он дал его особый язык, его песни, пищу и семена для посева. Закончив рисовку, творец дал всем душу и повелел им, мужчинам и женщинам, идти под землю. Потом он велел им выйти в назначенных для них местах. По рассказам туземцев, некоторые вышли из пещер, другие из холмов, третьи из вод, четвертые из ветвей деревьев. Так как там вышли предки и там размножились, так как там, следовательно, положено основание родам, то роды считают вышедших в тех местах своими гуака (богами-предками) и чтят в своей памяти эти места, потому что там возникли их роды. Поэтому каждое племя носит одежду, которую был наделен его гуака. Впоследствии, как рассказывают туземцы, те перья, что вышли в тех местах, вошли в камни, в коршунов, кондоров и в других животных, как в четвероногих, так и в птиц. Поэтому гуаки, которым они поклоняются, имеют различный образ».

Сообщение Христовала де-Молица подтверждается рядом других авторов. В эпоху завоевания Перу культ гуака, богов-предков, был распространен почти по всей стране: главными местами поклонения им были паккаримтампу (мифические места зарождения родовых союзов), расположенные по большей части в горных областях, на горах и холмах. Там же приносились в жертву животные и люди. Около жертвенного камня обыкновенно стояла фигура, сделанная из дерева или камня и представлявшая гуака, или же просто камень или дерево, в которое, прибегая туземцы, вошел их гуака, чтобы отсюда принимать приносимые ему жертвы. В жертву обыкновенным гуака приносились большей частью только ламы и гуанако (виды антилоп); в жертву же гуака главных родов (матерей-родов) и богам племени приносились

кроме того и дети. По принесении животного в жертву — для этого выбирались главным образом сплошь белые ламы — теплая кровь тотчас собиралась, частью ее кропили на жертвенный камень или на образ гуака, остальная же часть выливалась на жертвенный хлеб еанку, стоявший в больших сосудах. После того этот хлеб получал название аугарсайку (кровяный хлеб), и присутствующие вкушали его в ознаменование своего кровного родства со своим богом.

На некоторых больших торжествах, напр. на празднике Матахоча, который ежегодно в апреле справляется на Гуака-пата (терраса богов родов) в Куско, главном городе Перу, в жертву приносились и дети. Дети подвергали детей удушению, вынимали грехи плуцее сердце из груди, приносили его богу-творцу и четырем главным гуака и потом обмазывали теплой кровью их изображения от одного уха до другого.

5. Культ душ и предков у евреев.

Напомним теперь еще раз то место из «Бытия» (глава девятая, стихи 3—5), которое мы уже приводили, когда разбирали библейские сказания о потопе. Вот оно в более точном переводе, чем русский синодский изданный.

«Все движущееся, что живет. Будет вам в пищу, как зелень травную, даю вам все. Только плоти с душою ее, с кровью ее, не емьте. Я потребую обратно и вашу кровь, то-есть душу, вашу: и потребую ее от всякого зверя, потребую также душу человека от руки каждого среди вас».

Для каждого, кто знаком с только что изложенными воззрениями, это место становится сразу понятным. Бог-творец племени требует обратно от членов своего племени душу, которую он дал им, и которая в известном смысле представляет часть его собственной жизни. В то же время он заповедал, чтобы дети его племени не вкушали крови какого-либо животного, так как и крови находится душа, вошедшая в животное.

С такими воззрениями мы встречаемся на каждом шагу на известной ступени в развитии религии; они обнаруживаются и в других местах книг Моисеевых. Так, напр., в третьей книге Моисеевой («Левит»), глава третья, стихи 12—17, касающиеся истребления, повелевают, чтобы огонь не ели крови, всего сала (тук по русскому переводу), покрывающего внутренности, и почек, потому что они принадлежат Ягве, как «жертвенная пища с благоуханием, приятным для Ягве». Вот это место (по синодскому изданию русского перевода):

«Если он (священник) приносит жертву из коз, пусть представит ее пред Господа, и возложит руку свою на голову ее, и покроют сыны Лароновы кровью ее на жертвенник со всех сторон. И принесет из нее в приношение, в жертву Господу тук, покрывающий внутренности, и весь тук, который на внутренностях, и обе почки и тук, который на них, который на стеблях, и сальник, который на печени: с

почками он отделит это. И сожжет их священник на жертвеннике; это пища огня, — приятное благоухание Господу (Ягве): весь тук Ягве! Это постановление вечное в роды ваши, во всех жилищах ваших: никакого тука и никакой крови не ешьте!»

Почему так? Потому, что душа находится в крови, а душа принадлежит богу племени, и, если станут пить кровь, это лишает его наслаждения, которым укрепляется его жизненная сила.

Это прямо и ясно сказано в третьей книге Моисеевой («Левит»), глава 17, стихи 11, 12 и 14:

«Потому что душа тела в крови, и я назначил ее вам для жертвенника, чтобы ею уничтожить грехи ваши, ибо кровь очищает посредством находящейся в ней души. Потому я и сказал сынам израильтевым: никто из вас не должен есть крови! Ибо душа всякого тела находится в его крови, заключающей в себе жизнь.»

Далее, в пятой книге Моисеевой («Второзаконие»), глава 12, стихи 23—25, говорится:

«Только строго наблюдай, чтобы не есть крови, потому что кровь есть душа, и ты не должен есть душу вместе с кровью. Не ешь ее, выливай ее на землю, как воду. Не ешь ее, чтобы хорошо было тебе и потомкам твоим, если ты станешь делать, что справедливо пред Ягве.»

Кто ест кровь и сало внутренностей, тот отнимает необходимую для Ягве пищу, которую он насыщается. Так, напр., в четвертой книге Моисеевой («Числа»), глава 28, стих 2, читаем:

«Наблюдайте, чтобы приношение мое, пища в жертву мне, в приятное благоухание (наслаждение) для меня в виде предизначенных мне всесожжений, приносимо было мне в свое время.»

Эти воззрения на душу и на ее главное местопребывание делают понятными многие места Библии, в которых говорится о завете, — союзе или договоре, — заключаемом Элогимом (или Ягве) со своим народом. После потопа Элогим заключил договор с Ноем и его сыновьями («Бытие», глава 9, стихи 1—17). С Авраамом Элогим заключает союз даже два раза: в первый раз по выходе из Содома («Бытие», глава 15, стих 18), потом незадолго до рождения Исаака (глава 17, стихи 2—21). В этом, втором договоре с Авраамом речь идет только о собственных потомках последнего, которых Элогим обещает умножить и сохранить, если они будут помнить о своих обязанностях перед ним, т. е. в знак признания союза станут подвергать себя обрезанию и приносить жертвы. Так, напр., в стихах 10—12 и 14 Элогим говорит:

«Это есть завет (союз) мой, который вы должны соблюдать между мною и между вами и между потомками твоими после тебя: да будет у вас обрезан весь мужеский пол. Обрезывайте крайнюю плоть вашу, и сие будет знамением завета между мною и вами. Восемью дней от рождения да будет обрезан в роды ваши всякий младенец мужеского пола. Необрезанный же мужеского пола, который не обре-

жет крайней плоти своей, да истребится такой из народа своего: ибо он нарушил союз».

Точно такие же воззрения можно проследить у многих десятков других народов. Обратимся, напр., к племенам, стоящим на низкой ступени развития, напр., к австралийским племенам, у которых еще нет меж-родовых союзов. Обрезание представляет у них обряд, выполняемый над подростками, когда они принимаются в среду взрослых. Оно свидетельствует о том, что вновь обрезанные сделались полноправными членами данной группы. У племен же с развитыми родовыми организациями обрезание все больше превращается в свидетельство кровной связи с родовой общиной и в то же время — с тем богом-предком, который считается основателем данной родовой группы. Такое значение придается обрезанию не только у многих меланезийских и мадагаскарских народов, напр., у обитателей островов Фиджи, Новых Гебридов, Соломоновых, Новой Каледонии, Мадагаскара и т. д., но и у некоторых африканских народностей, напр., у массан, вакуафи, дамара, зулусских кафров, бечуанов.

Только что приведенное место из главы 17 «Бытия» уже само по себе достаточно ясно говорит о значении обрезания: оно свидетельствует, что союз («завет»), существующий между Элохимом и Израилем, представляет кровный договор между членами племени и их богом-предком. Еще нагляднее в этом отношении библийский рассказ о возобновлении союза после возведения законов на горе Синае (вторая книга Моисеева, «Исход», глава 24, стихи 1—8):

«И пришел Моисей и пересказал народу все слова Господни и все законы. И отвечал весь народ в один голос, и сказали: все, что сказал Ягве, сделаем и будем послушны. И написал Моисей все слова Ягве и, встав рано поутру, поставил под горою жертвенник и двенадцать камней, по числу двенадцати колен Израилевых. И послал юношей из числа сынов Израилевых, и принесли они всесожжения и заклали тельцов в мирную жертву Ягве.

«Моисей, взяв половину крови, влил ее в жертвенные чаши, а другую половину крови окропил жертвенник. И взял книгу завета и прочитал вслух народу. Они же сказали: все, что повелел Ягве, сделаем и будем тому следовать. И взял Моисей крови и окропил ею народ, говоря: вот кровь завета (союза), который Ягве заключил с вами на основании всех тех заповедей».

Это, очевидно, совершенно такой же обряд установления кровной общности, как наблюдаемый у многочисленных других народностей, у которых развился культ предков. Обряд не всегда сводится к простому окроплению кровью. После того, как бог получил свою долю жертвенной крови, у некоторых народов другую часть выпивают жрецы или народ; или после того, как будет вымазан кровью идол бога, или то священное место, где пребывает последний (алтарь, жертвенник), несколько капель брызгают на ту или иную часть тела присутствующих; или же сами присутствующие причиняют себе легкие поранения,

капли своей кровью на жертвенные камни и взаимно мажут ею друг друга определенные части тела, — большую часть половые органы, как седалище способности к размножению.

Впрочем и у евреев тоже было в обычае помазание кровью жертвенных камней (алтари) и обиталища бога. Например, в третьей книге Моисеевой, «Левит», глава 9, стихи 9 и 10. приношение Аароном жертвы (теляца молодого быка) за грехи описывается следующим образом:

«Сыны Аарона поднесли ему кровь. И он омочил свой палец в крови и помазал ею рога жертвенника, а остальную кровь вылил к жертвеннику на землю. А тул и почки и сальник на печени в жертву за грех сжег на жертвеннике, как Ягве повелел Моисею».

В жертву богу своего племени древние евреи приносили и людей, души которых должны были идти на подкрепление Ягве *). Это доказывает уже вошедший во все школьные учебники рассказ о том, как Элохим повелел Аврааму принести в жертву первенца последнего, Исаака («Бытие», глава 22, стихи 2—10). В синодальном издании об этом говорится так:

«Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойдешь в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой я скажу тебе. Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколот дров для всесожжения и встал, пошел на место, о котором сказал ему бог...

«И взял Авраам дрова для всесожжения и возложил на Исаака, сына своего; взял в руки огонь и нож, и пошли оба вместе...

«И пришли на место, о котором сказал ему бог; и устроил там Авраам жертвенник; разложил дрова и связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров. И простер Авраам руку свою и взял нож, чтобы заколоть своего сына».

Дальше рассказывается, что ангел господен воззвал с неба и в последний момент остановил уже занесенную руку Авраама.

Рассказу предшествует утверждение, что в данном случае Ягве искушал Авраама. Но та безропотность, с какою он принял повеление Ягве, отсутствие всяких сомнений и колебаний, и та уверенность твердость и деловитость, с какою он готовится к жертвоприношению и потом приступает к самому принесению жертвы, — все это показывает, что поведение Ягве не представляло никакого разрыва с существовавшими в то время воззрениями.

Более того: в Библии рассказывается, что детей действительно приносили в жертву Ягве. Вот рассказ об Иеффаяе, одном из «судей» израильских («Книга судей Израильских». Глава 11, стихи 30—39).

*) То же было у древних славян, галлов, германцев и т. д. Только безнадежные войны или сознательные клеветки могут делать из этого тот вывод, что и у позднейших потомков перемешанных народов сохранились человеческие жертвы.

И дал Иеффай обет Господу и сказал: если ты преданъ аммонитяни, в руки мои, то по возвращении в миромъ от аммонитянъ что выйдетъ изъ воротъ дома моего навстречу мне, будетъ Господу, и вознесу сие на всесожжение. И пришелъ Иеффай к аммонитянамъ—сразиться с ними, и предалъ ихъ Господь в руки его; и порази́л ихъ поражениемъ весьма великимъ, от Ароера до Минифа двадцать городов, и смирились аммонитяне предъ сынами Израилевыми.

И пришелъ Иеффай в Массифу в дом свой, и вот, дочь его выходитъ навстречу ему с тимпанами и диками: она была у него только одна, и не было у него еще ни сына, ни дочери. Когда он увиделъ ее, разодралъ одежду свою и сказал: ах, дочь моя! ты сразила меня; и ты в числа нарушителей покоя моего! Я отверзъ о тебе уста мои предъ Господомъ и не могу отречься.

«Она сказала ему: отецъ мой! ты отверзъ уста твои предъ Господомъ, — и делай со мной то, что произнесли уста твои, когда Господь совершилъ чрезъ тебя отмщенье врагамъ твоимъ аммонитянамъ. И сказала отцу своему: сделай мне только вот что: отпусти меня на два мѣсяца; я пойду, войду на горы и оплачу девство свое в горахъ. Он сказал: пройди. И отпустилъ ее на два мѣсяца. Она цѣлала с подружками своими и оплакивала девство свое в горахъ.

«По прошествии двухъ мѣсяцевъ она возвратилась къ отцу своему, и онъ совершилъ надъ нею обетъ свой».

И после того Иеффай оставался судьей израильтянамъ до самой своей смерти.

Однако в Библии имеются еще более ясныя доказательства, что у древнихъ евреевъ иногда существовали человеческiе жертвоприношенiя. В разныхъ мѣстахъ библии Ягве прямо требуетъ человеческихъ жертвъ и самъ указываетъ, при какихъ условiяхъ они могутъ быть заменены жертвами изъ животныхъ. Или, какъ выражаются ветхозаветныя писанiя, могутъ быть «выкуплены».

Выше мы уже проводили то мѣсто изъ девятой главы (стихъ 5) «Бытiя», в которомъ говорится: «я потребую обратнo и вашу кровь, в которой душа ваша». Что означаетъ это мѣсто, еще яснѣе показываетъ вторая книга Моисеева «Исходъ» (глава 13, стихи 2 и 12—13):

«Отдели, какъ посвященное мнѣ, всякаго первенца: все, что между сынами Израильтянами впервые развѣрзаетъ материнскую утробу, человекъ или животное, должно принадлежать мнѣ... Ты долженъ посвящать Ягве все, что впервые возникаетъ в утробѣ матери. И все первородное изъ свота, такой у тебя будетъ, мужескаго пола, должно принадлежать Ягве. А всякаго первенца изъ ословъ ты можешь выкупить на агнца; а если не заменишь, ты долженъ сокрушить ему шею. И каждаго первенца человеческаго изъ сыновъ твоихъ можешь ты выкупить».

Здѣсь Ягве совершенно ясно требуетъ для себя человеческихъ жертвоприношенiй. Несомненно, это мѣсто «Исхода» только в позднѣйшее время получило свой теперешнiй видъ, в потому раскаянъ уже допу-

скает замену детей, а также ослов в качестве жертвы ягнятами, — осел был для евреев слишком уже полезное, слишком необходимое домашнее животное.

Но не во всех местах Библии обнаруживаются такие же широкие воззрения на замену (на «выкуп») человеческих жертв. Вот, напр., третья книга Моисеева «Левит», глава 27, стихи 23—29. Здесь прямо выставлено правило, что отнюдь не выкупается, не заменяется жертвами из животных «все закланное», т.-е. по клятвенному обету предназначенное в жертву богу (дети и рабы).

«Только все закланное, что под заклятием (по клятвенному обету) отдает человек Ягве из своей собственности, — человека ли, скотицу, ли свое ли наследственное поле, — не продается и не выкупается: все закланное есть великая святыня Ягве. Если на каких-либо людях лежит заклятие, они не выкупаются: они должны быть преданы смерти».

Конечно, в дальнейшем ходе развития у евреев, как и у других народов, человеческие жертвы все более ограничивались. В конце-концов возникло представление, что принесение детей в жертву — варварский обычай, который евреи заимствовали у язычников лишь после своего расселения в Палестине. Пророки горячо выступают против принесения детей в качестве искупительной жертвы и для всесожжений и пускаются на хитроумные истолкования для того, чтобы затемнить ясный смысл того требования, которое предъявлял древний еврейский Элогим: ему принадлежит все первородное. Так, напр., Иезекииль (шестой век до Р. Х.), который в точности знает древний закон, и потому не ропщет оспаривать, что бог требовал человеческих жертвоприношений, полагает, что Ягве требовал от евреев, чтобы все первородное приносилось ему в жертву, но только в наказание им, для того, чтобы внушить им страх (Книга пророка Иезекииля, Глава 20, стихи 25—26):

«Тогда попустил я им законы, которые не могли приносить пользы, и законы, от которых они не могли быть живы, и попустил оскверниться жертвоприношениями их, — тем, что они стали отдавать огню всякий первый плод утробы, — дабы внушить им страх, чтобы они знали, что я — Ягве».

И в книге претендующего на художественность болтливого пророка Михея, в противоположность древним обрядовым предписаниям, высказываются даже такое мнение, будто Ягве требовал собственно не первородных, а лишь любви к богу, справедливых действий, и смиренья. Там говорится (Книга пророка Михея, глава 6, стихи 7—8):

«Но можно ли угодить Ягве тысячами омов или неисчислимыми нотовами елея? Разве дам ему первенца моего (в качестве жертвы) за преступление мое и плод чрева моего — как искупление за жизнь мою? Но он сказал: о человек, в чем добро для тебя! И что требует от тебя Ягве: только действовать справедливо, совершать дела милосердия и смиренномудро ходить пред богом твоим».

Но даже и эта отпоспаящаяся к позднешему времени борьба против припеснения детей в жертву Ягве равносильна открытому признанию, что, вероятно, в седьмом, а пожалуй—и в шестом веке до Р. Х. человеческие жертвоприношения были обычным явлением у израильтян: не приходится вести горячей борьбы против того, что уже и так не существует.

Почти все народы, у которых существует культ предков, поклоняются не только богам племени, но, кроме того, и родовым, и семейным, и домашним богам. То же было и у древних евреев. По ветхозаветным писаниям с особенной ясностью можно установить существование культа терафимов, поклонение богам-предкам еврейских родовых групп (по-еврейски: миспаха) и связанное с ним поклонение деревьям, камням и деревянным идолам, которые считались обиталищами богов. Так, напр., в «Бытии», глава 31, стихи 19, рассказывается, что, когда Рахиль вместе со своим мужем Иаковом тайно бежала от своего отца Лавана, «она похитила терафимов отца своего» (терафим—собственно множественное число. Но этим же словом обозначается и бог отдельного рода. Русский перевод в синодском издании—заведомо и преднамеренно искаженный. В нем говорится: «Рахиль похитила идолов, которые были у отца ее». То-есть будто бы просто «были», причем читателю предоставляется думать, будто Лаван им вовсе не поклонялся). Лаван с членами своего рода догнал Иакова и спрашивает у него: «зачем ты украд богов моих». (Стих 30. Здесь русский перевод выдает тайну, которую сначала хотел скрыть). Так как Иаков ничего не знал о краже Рахили, то он позволил Лавану обыскать всю свою поклажу. Но Лаван не нашел ничего, потому что Рахиль положила терафимов под верблюжье седло и сидела на нем, сказав, будто у нее месячные (стихи 34, 35).

Затем «Бытие», глава 35, стихи 2—4, рассказывает, что Иаков удалил из своей семьи чужих терафимов, или, как говорится в синодском издании русского перевода: «И сказал Иаков дому своему и всем бывшим с ним: бросьте богов чужих, находящихся у вас, и очиститесь и перемените одежды ваши... И отдали Иакову всех богов чужих, и серьги, бывшие в ушах у них; и закопал их Иаков под дубом, который близ Сихема. И оставил их неизвестными даже до нынешнего дня».

Далее, в «Книге судей Израилевых», глава 17—18, рассказывается, как Миха, благочестивый человек из колена Ефремова, заказал для себя изображение своего терафима и нанял молодого левита, который священнодействовал перед ним, но люди из колена Данова отняли его у Михи и увезли в Дан, где он сделался богом этого колена.

В «Первой книге царств» тоже упоминается о терафиме. В то время, когда Саул послал слуг своих к дому Давида, чтобы стеречь и убить его, потом и в самый дом, чтобы узнать, дома ли Давид, Мелхона, жена последнего, «взяла терафима и положила на постель, а в изголовье его положила козью кожу и покрыла одеждою». Обман открылся лишь после того, как «Саул послал слуг, чтоб осмотреть Давида, гово-

ря: принесите его ко мне на постели, чтобы убить его» (глава 19, стихи 12—17). Следовательно, эта статуя терафима была величиной с человека.

Когда значение культа Ягве увеличилось, пророки начали решительную борьбу против почитания терафимов, которое, по их мнению, наносило ущерб господствующему положению Ягве. Однако поклонение терафимам удерживалось долгое время. Еще Осия (первая половина восьмого века до Р. Х.) угрожает израильтянам тем, что, если они не будут подчиняться заповедям Ягве, они «долгое время будут оставаться без царей, без власти, без жертв, без жертвенника, без ефода и без терафима». (Книга пророка Осии. Глава 3, стих 4). Эта угроза имела смысл лишь при том условии, если почитание терафимов оставалось широко распространенным: терафимы могут быть отняты только в наказание за грехи перед Ягве.

И, действительно, можно думать, что служение терафимам удерживалось в Иудее до эпохи вавилонского пленения. Даже пророк Захарья (живший после вавилонского пленения) сообщает, что терафимов все еще вопрошают, как оракулов, вещей богов («Книга пророка Захарии». Глава 10, стихи 1 и 2). Однако при ближайшем изучении оказывается, что большая часть гимнов, среди которых находится указанное место, много древнее, чем первые восемь глав книги; приписываемой Захарии, и потому данное место нельзя считать доказательством того, что терафимам поклонились и после вавилонского пленения.

В настоящее время невозможно установить, каков был этот культ терафимов, и каковы его частности. Несомненно только одно: терафимам поклонялись, как божественным предкам рода, и призывали их, как творцов и прародителей межродовых союзов (миспах). Еще у Иеремии мы читаем (глава 2, стихи 26 и 27):

«Как вор, когда поймают его, бывает осрамлен, так осрамил себя дом Израилев со своими царями, властями, священниками и пророками, говоря дереву: «ты мой отец» и камню: «ты породил меня».

Конечно, это — бессмыслица. Утверждение пламенного Иеремии, будто израильтяне поклонялись статуям, стоит почти на таком же уровне, как мнение простоватых протестантов, будто католики молились изображениям своих святых. Израилити считали своими «родителями» и «отцами» не деревянные и каменные изображения, а терафимы, представляемых этими статуями.

6. Еврейские сказания о героях и праотцах.

У многих народов известное почитание оказывается не только племенным и родовым божествам, но и первым людям-предкам родовых союзов, родившимся от половых сношений этих богов с земнородными: так называемым первородным, праотцам, отцам родов, первым в роде, богородным и т. д. Конечно, большинство этих «богорожденных» пер-

венцев не может равняться с величием собственно богов: они — все же люди, хотя, согласно мифам, нередко наполовину божественного происхождения. Однако они получают различные сверхчеловеческие способности и силы, благодаря которым могут совершать поразительные героические подвиги. Благодаря этому они часто более приближаются к богам, чем к своим сравнительно слабым земным потомкам, и, выдержав победоносную борьбу со всевозможными чуждыми исполинами, карликами, демонами и дикими зверями, они сами в конце-концов принимаются в мир богов, или же более или менее отождествляются со своим божественным родителем и мыслятся тогда, как воплощение этого бога, как его повторное воочеловечение.

Мифы всех народов, достигших известной степени развития: древних греков и арийцев-индусов, германцев, славян и древне-американских полукультурных народов, дают многочисленные примеры таких богоподобных героев. Подобные мифы о героях играли известную роль и в древне-еврейской мифологии; это доказывается многочисленными указаниями ветхо-заветной литературы на богорожденных исполинов (нефилимов) первобытного времени, на великанов, енаков и сынов божиих. Конечно, это вовсе не значит, что происхождение таких сказаний чисто еврейское.

Несомненным остатком таких мифов является, напр., следующий рассказ, находящийся в самом начале шестой главы «Бытия»:

«Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери, тогда сыны божии (по-еврейски бне Элогим, т. е. потомки, дети богов) увидели дочерей человеческих и нашли, что они красивы (стоящее здесь еврейское слово означает: красивы физически, по своей фигуре) И они брали их себе в жены, какая кому понравилась. И сказал Ягве: не вечно мой дух (моя душа) должен находиться в человеке, ибо он — просто плоть. Да составляет (выгредь) продолжительность их жизни только 120 лет. И в то же время и в позднейшее, когда сыны божии входили к дочерям человеческим (т. е. входили в спальни к дочерям человеческим), и они рожали им детей, это были герои (нефилимы) первобытного времени, высокославные (в синодском издании русского перевода Библии: «это сильные, издревле славные люди»).

Изложение оборвано и с несомненными пробелами. Это, очевидно, краткий отрывок из несравненно более подробного и более древнего сказания. Теперь он является вставкой, по своему содержанию совершенно не связанной с ближайшими частями той же главы.

В высокой степени вероятно, что этот миф подробно рассказывал, как сыновья Элогима (а под этими словами следует разуметь не каких-либо ангелов, а прямо, телесно, физически порожденных Элогимом потомков) вступали в половые сношения с красивыми дочерьми земли, как от этих сношений рождались нефилимы, которые, выросши, совершали сверхчеловеческие деяния. Но этот миф представлялся слишком зазорным позднейшему ограниченному поклоннику Ягве. Он воспринял его в свое сказание, но постарался согласовать со своими представле-

ниями о боге. Он втиснул миф в несколько строк и вплетает кроме того стих 3 со своим собственным измышлением, что Ягве, разгневанный такими происшествiями, сократил срок жизни людей до 120 лет.

Эта вставка, сделанная почитателями Ягве, любопытна и сама по себе: она подтверждает, что в душе человека видели частицу души Ягве, и что по истечении 120 лет Ягве опять отнимал у человека эту частицу.

Составители книг Моисеевых в свое время поместили отрывок из этого мифа в самом начале теперешнего текста шестой главы «Бытия». Они не считались с тем, что этот отрывок не только не имеет никакой связи с предыдущим и последующим рассказом, но и прямо противоречит «родословию», имеющемуся в главе пятой «Бытия», а также позднейшим данным о том возрасте, которого достигали патриархи. «Всех же дней Новых было 950 лет» («Бытие», глава 10, стих 29). «Арфаксад жил 330 лет». «Каинан жил 130 лет» (глава 11, стих 12). «Арфаксад жил 403 года» (стих 13) и т. д., — обычный возраст патриархов от 300 до 400 лет. «Жизни Сарриной было 127 лет» (глава 23, стих 1). «Дней жизни Авраамовой, которые он прожил, было 175 лет» (глава 25, стих 7). «Лет же жизни Измаиловой было 137 лет» (глава 25, стих 17). «И было дней жизни Исаековой 180 лет» (глава 35, стих 28).

Об исполинах, т. е. сынах божиих, и т. д. говорят и другие места Библии. Вот, напр., рассказ из главы 13 Четвертой книги Моисеевой («Числа») Моисей послал людей, которые должны были посмотреть землю Ханаанскую. Все эти люди были «мужи главные (т. е. старейшины) у сынов Израилевых» (стихи 3—4). Возвратившись, посланные говорили: «мы ходили в землю, в которую ты посылал нас; в ней поистине течет молоко и мед, и вот плоды ее; но народ, живущий на земле той, силен, и города укрепленные, весьма большие и сынов Енаковых мы видели там» (стихи 28—29). «Но Халев (один из посланных) успокаивал народ пред Моисеем, говоря: пойдем и завладеем ею, потому что мы можем одолеть ее. А те, которые ходили с ним, говорили: не можем мы идти против народа сего, ибо он сильнее нас. И распускали худую молву о земле, которую они осматривали, между сынами Израилевыми, говоря: земля, которую проходили мы для осмотра, есть земля, поедающая живущих на ней, и весь народ, который видели мы среди ее, люди великорослые; там видели мы и исполинов, сынов Енаковых, от исполинского рода; и мы были в глазах наших преа ними, как саранча, таковыми же были мы и в глазах их» (стихи 31—34).

То обстоятельство, что большая часть древних отцов родов и племен носила имена, прямо указывающие на их божественный характер, еще яснее свидетельствуют о том, что в них видели сверхчеловеческие существа, героев подубогов. К очень многим из этих имен присоединяется слог «эль» («эль», «иль»), — напр., Михаель, Мафусал,

Ивал, Иувал (Иуваал), Малелеил, Фовел, Фувал (Ту-ваал), Амрафел, Измаил, Кемуэль, Вафуил и т. д.

Но что означает это «эль»? «Эль», во множественном числе Элогим, у северно-ханаанских народностей и у финикийцев обыкновенно заменяющееся «ал» (в женском роде «алат»), множественное число «алоним» и «аланин», у семитов Вавилона «илу», в сокращении «ил», сначала было просто общим нарицательным названием божественных духов предков. Все еще в этом смысле употребляется слово Элогим, напр., в древнем мифе о женщине-волшебнице (заклинательнице духов) в Аэндоре («Первая книга Царств», глава 28, стихи 10—16). Когда Саул увидел против себя стан филистимляц, он «испугался и крепко дрогнуло сердце у него». «И вопрошал Саул Господа; но Господь не отвечал ни во сне, ни чрез урм, ни чрез пророков. Тогда сказал Саул слугам своим: сыщите мне женщину-волшебницу, и я пойду к ней и спрошу ее». Когда ему указали на аэндорскую волшебницу, Саул, переодевшись, пошел к ней с двумя человеками, и пришли они к женщине ночью. «Женщина спросила: кого же вывести тебе? И отвечал он: Самуила вывести мне. И увидела женщина Самуила и громко вскрикнула... И сказал ей царь: не бойся, скажи, что ты видишь? И отвечала женщина: вижу как бы Элогимов (в синодском издании: «как бы бога»), выходящих из земли. Какие они видом? спросил у нее Саул. Она сказала: теперь выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду. Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицом на землю и поклонился».

Следующее место из более древней части книги, приписываемой пророку Исаии^{*)}, еще яснее показывает, что Элогим первоначально отождествлялся с духами умерших (по еврейски: об):

«И когда скажут вам: спросите мертвых, а также вещающих духов, которые шепчут и невинно говорят вокруг,—тогда отвечайте: почему народ не должен спросить своих Элогимов. Надо ли мертвых спрашивать о живых» («Книга пророка Исаия», Глава 8, стих 19). В синодском издании это место сильно изменено. Оно гласит: «И когда скажут: обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, к шептунам и чрево вещателям,—тогда отвечайте: не должен ли народ обращаться к своему Богу? Спрашивают ли мертвых о живых?»).

Впоследствии—это в особенности относится к финикийцам—слово «эл» или «ал» превращается в наименование духа предка или бога-предка того или иного отдельного племени; когда же речь идет о высшем божестве, стоящем над такими племенными богами, еврейский ветхий завет и для обозначения отдельного бога применяет это слово во множественном числе, т.-е. употребляет слово «Элогим». Напротив, у северно-ханаанских и финикийских племен к наи-

^{*)} Книга, приписываемая пророку Исаии, в действительности составлена по возвращении из вавилонского плена из нескольких сочинений, написанных разными авторами. Значительная часть книги, главы 40—66, так называемый „Второ-Исаия“, возникла прямо в вавилонском плени.

Именованию такого бога присоединяется «ба» — великий, возвышенный, — что отличает его от племенных богов и от обыкновенных богов-предков. Так возникают названия «баал» («ваал»), «баел», «беел» (для наименования богинь племени — «баалат»), которые так часто встречаются в ветхом завете. Слова баал и баалат по большей части соединялись у древних финикийцев с названием племени или, что бывало еще чаще, с названием главных мест культа племенных богов. Таким образом были Ваалы тирский, сидонский, тарсский, баалат библосская и т. д.

Конечно, такие наименования вырабатывались лишь с большой медленностью. Поэтому в ветхозаветных писаниях слово «элогим» употребляется для обозначения то богов-предков вообще, то отдельного бога того или иного племени или нескольких таких богов в их совокупности. Кроме того в некоторых местах (напр., «Бытие», глава 14, стихи 14, 19 и 22; глава 17, стих 1; глава 21, стих 33), слово «эл» употребляется еще и в единственном числе, или же по прежнему вкладывается в слово «элогим» смысл множественности, хотя обычная речь уже применяет его в тех случаях, когда речь шла о единственном числе. Примером может служить глава 1 «Бытия», стих 26: «И сказал Элогим: сотворим человека по образу нашему и по подобию нашему». Обращение «сотворим» явным образом предполагает, что кроме говорящего «эл» присутствовали и другие боги (элогим).

Таким образом не подлежит никакому сомнению, что у древних евреев тоже некогда были свои мифы о героях. Но столь же несомненно, что эти мифы, — в существенной своей части ханаанского происхождения, — уже сравнительно рано вымерли под влиянием развития новых форм экономической жизни. В древних мифах о праотцах Аврааме, Исааке, Иакове, Иосифе и т. д. сохранились лишь немногие напоминания о древних героях. Только Иаков, согласно сказаниям, еще борется с богами и людьми и потому получает прозвище «Израил» («Изра-эл»), т. е. «борющийся бог». Вообще же во всех этих сказаниях ясно обрисовывается духовный облик промыслового пастушеского народа, который, кроме скотоводства, занимается торговлей и разбсем и приобретает свои сокровища не воинскими героическими деяниями, а кражей, обманом, лезтью, хитростью и проституцией.

Однако, как ни глубоко погребены древние взгляды под позднейшим и наслоениями, многое в ветхозаветных писаниях все же напоминает о них и становится понятным только в связи со всем предыдущим. Так, напр., одно место из гимна, вошедшего в «Книгу пророка Исаии», глава 51, стихи 1—2, ясно напоминает об этих воззрениях:

«Послушайте меня, стремящиеся к правде, ищущие Ягво. Взгляните на скалу, из которой вы иссечены, и в глубину рва, из которой вы извлечены. Посмотрите на Авраама, отца вашего, и на Сарру, родящую вас».

Как мы уже говорили выше, мифы многих народов рассказывают, что боги и полубоги, основатели родов, вышли из горных пещер, кра-

теров, озер, рек, прудов и т. д., и что они живут в камнях и деревьях. Таким образом приведенное место понятно и ясно. Оно — отголосок древнего местного мифа о возникновении рода; согласно этому мифу, Авраам и Сарра вышли из горной пещеры и из водоема «Бытие», глава 23, стихи 8—20, и глава 25, стихи 9—10, рассказывают, что оба были погребены в пещере Махпеле, сделавшейся впоследствии святыней израильтян.

Но каким образом попали только что приведенные строки в так называемую «Книгу пророка Исаии», при том в ее новейшую часть, — в ту, которая возникла двумя столетиями позже деятельности Исаии? Конечно составители книги не сами выдумали это место. Первая половина главы 51 состоит главным образом из хвалебного гимна Ягве, возникшего задолго до эпохи, когда составлялась эта книга, и обработанного составителями в соответствии с их целями. Но хотя этот гимн возник раньше, чем жил составитель главы, однако все же не за тысячелетия до его времени, а в тот период, когда еврейские племена, несомненно, были уже объединены в прочный национальный союз, в Израильское царство. Следовательно, мы должны предполагать, что и тогда еще существовало то представление, что дух предка Авраама обитает в священном камне, — иначе автор не мог бы таким образом поэтически использовать это представление. И, далее, если бы это воззрение уже не было распространенным в эпоху неизвестного автора главы, и если бы оно представлялось ему нарушением веры в Ягве, то он, ревностный поклонник Ягве, конечно, не воспринял бы его в свои писания. Поэтому приходится думать, что даже в шестом столетии до Р. Х. в Израильском царстве было всеобщим то верование, что духи предков обитают в камне и дереве. Это подтверждается ревностной борьбой позднейших пророков против поклонения божественным камням, священным статуям и уже раньше упоминавшимся священным деревьям. Даже Иеремия, как мы указывали выше, упрекает иудеев в том, что дерево и камень они называют своими отцами и, обращаясь к ним, говорят: «ты родил меня».

Конечно, сказания, объединенные в так называемом Пятикнижии Моисеевом, самого разнообразного происхождения. Так, напр., можно думать, что почитание Иакова и Исава было распространено в Ханаане задолго до вторжения туда израильтян, которые просто восприняли мифы, относящиеся к этим праотцам, соединили их с другими сказаниями и приспособили к своим собственным воззрениям. Кроме мифа о челяничной похлебке, за которую Исава будто бы продал свое первородство Иакову («Бытие», глава 25, стихи 28—31), существовало по всей вероятности и другое сказание, согласно которому Иаков (это имя означает: «он перехитрил»). В синодском издании употребляется выражение: «запнул». «Бытие», глава 27, стих 36) перехитрил своего близнеца-брата, племенного бога Исава уже во чреве матери и тогда обеспечил за собой первородство. Некоторое указание на это имеется в «Книге

пророка Осии», глава 12, стих 3, где говорится: «еще во чреве матери запынал он брата своего».

Несколько мифов существовало и о той борьбе, которую выдержал Иаков с Ягве. В позднейшей обработке это сказание приобрело такой вид («Бытие», глава 32, стихи 22—32. По синодскому изданию русского перевода): «И встал (Иаков) в ту ночь и, взяв двух жен своих и двух рабынь своих и одиннадцать сынов своих, перешел через Иавок в брод; и взяв их, перевел через поток, и перевел все, что у него было. И остался Иаков один. И боролся некто с ним до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с ним. И сказал ему: отпусти меня, ибо взошла заря. Иаков сказал: не отпущу тебя, пока не благословишь меня. И сказал: как имя твое? Он сказал: Иаков. И сказал ему: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль («борющийся эл»), ибо ты боролся с Богом, и человек одолевает будешь. Спросил и Иаков, говоря: скажи мне имя твое. И он сказал: на что ты спрашиваешь о имени моем? Оно чудно. И благословил его там. И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл, ибо, говорил он, я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя. И взошло солнце, когда он проходил Пенуэл; и хромал он на бедро свое. Поэтому и донные сыны Израилевы не едят жилы, которая на составе бедра, потому что борющийся коснулся жилы на составе бедра Иакова».

Уже из этого рассказа, в особенности из подчеркнутых у нас слов, видно, что, согласно первоначальному сказанию, дело обстояло совсем не так, как оно излагается в школьных учебниках. Если Иаков пострадал в этой борьбе, если у него было повреждено бедро, как же объяснить, что борющийся с ним стал просить, чтобы Иаков отпустил его? В таком случае следовало бы ожидать обратного. И все же, несмотря на поврежденное бедро, Иаков ставит условия, на которых он согласен отпустить борющегося.

В «Книге пророка Осии, глава 12, стихи 3—4, все еще сохраняются воспоминания об этом более древнем сказании. Там говорится об Иакове:

«Еще во чреве матери запынал он брата своего, а возмужав, боролся с Богом; он боролся с ангелом—и превозмог», т. е. ододел. Но эта борьба будто бы с ангелом—не какая-нибудь иная борьба, а все та же, о которой рассказывается в главе 32 «Бытия».

Изучающие Библию уже давно признали, что, согласно первоначальному сказанию, победил Иаков и вывихнул бедро борющемуся с ним чужому «злу». Но впоследствии этот «эд» был отождествлен с Ягве: тогда иудейские священники, перерабатывавшие мифы, вошедшие в состав «Бытия», нашли, что было бы оскорбительно для их Ягве, если бы его стали представлять с вывихнутым бедром. И они внесли свое истолкование в эту часть мифа.

Имя Израиль (Израэль); это—просто мифическое имя племенного бога, по которому в позднейшее время называли себя израильтяне точно так же, как, напр., измаильтяне по Измаилу (Измаэль) богу своего племени, гадиты—по имени своего племенного бога Гада и т. д. Как эти племена считали себя потомками своих мифических божественных предков и в этом смысле называли себя бне (бене) Измаил, бне Аммон, бне Рахиль (т.-е. Рах-эл), бне Рувим и т. под., так и израильтяне называли себя бне Израиль, или, как обыкновенно говорится в Библии, «сыны Израилевы».

Необходимо подчеркнуть еще раз, что в том тексте Библии, как мы знаем его в настоящее время, можно явственно распознать сочетание различных сказаний и их чисто местных видоизменений. В особенности многочисленные примеры этого дают главы 27—35 «Бытия», но отчасти и предыдущие, рассказывающие историю Иакова. По главе 25, стихи 29—34, Иаков купил у Исава первородство за чечевичную похлебку:

«И сварил Иаков кушанье; а Исав пришел с поля усталый; и сказал Исав Иакову: дай мне поесть красного, красного этого, ибо я устал... Но Иаков сказал Исаву: продай мне теперь же свое первородство. Исав сказал: вот, я умираю, что мне в этом первородстве? Иаков сказал ему: поклянись мне теперь же. Он поклялся ему, и продал Исав первородство свое Иакову. И дал Иаков Исаву хлеба и кушанья из чечевицы; и он съел и пил, и встал и пошел; и пренебрег Исав первородство».

Таким образом все, казалось бы, было кончено: первородство перешло к Иакову. Но глава 27 снова рассказывает, как Иаков по совету и при содействии своей матери Ревекки обманом добывается от Исаака, своего отца, признания своего первородства: Ревекка обложила его шкурой и руки кожей козлят, чтобы он походил на своего брата Исава, который был «человек косматый», одела его в одежды Исава, Иаков подделал свой голос под голос Исава и т. д.,—ослепший к этому времени Исаак, полагая, что перед ним Исав, передал первородство Иакову.

Точно так же по главе 28, стихи 12—22, Иаков в Вефиле увидел бне Элогим, превратившихся в «ангелов божих» по русскому переводу в синодальском издании:

«И увидел (Иаков) во сне: вот лестница стоит на земле, а верх ее касается неба; и вот бне Элогим восходят и нисходят по ней... И встал Иаков рано утром и взял камень, который он положил себе изголовьем, и поставил его памятником и возложил едей на верх его. И нарек Иаков имя месту тому: Вефилъ; а прежнее имя того города было Луз... И положил Иаков обет, сказав... этот камень, который я поставил памятником, будет у меня домом Божиим».

А по главе 32, стихи 1—2, Иаков увидал бне Элогим на священном месте Маханайм к востоку от Иордана:

«А Иаков пошел путем своим. И взглянув увидел ополчение Божие ополчившееся. И встретили его ангелы Божии (бже Элогим). Иаков, увидев их, сказал: это ополчение божие. И нарек имя месту тому: Маханаим».

Как мы только что видели, по главе 28, стих 18, Иаков поставил камень (массебу) в Лузе уже при бегстве от Лавана и назвал то место Вефиль. По главе же 35, стихи 3, 6—7, Иаков, лишь много позже устроил там жертвенник:

«И пришел Иаков в Луз, что в земле Ханаанской, то-есть в Вефиль, сам и все люди, бывшие с ним, и устроил там жертвенник, и назвал сие место: Эл-Вефиль; ибо тут явился ему Бог, когда он бежал от лица Исава, брата своего».

Слова: «то-есть в Вефиль», — несомненно, позднейшая вставка, сделанная с той целью, чтобы затушевать явное противоречие с предыдущим. С той же целью прибавлены и слова: «ибо тут явился ему бог» и т. д.

По той же 35 главе, стихи 14—15, Иаков все в том же месте еще раз воздвигает памятник и еще раз называет это место Вефиль:

«И поставил Иаков памятник на месте, на котором говорил ему бог, памятник каменный, и воздвиг на него возлияние, и воздвиг на него олей и нарек Иаков имя месту, на котором Бог говорил ему: Вефиль».

В действительности, как видно из различных глав «Бытия», Вефиль в Ханаане издревле был местом жертвоприношений, где, согласно сказаниям об Аврааме, уже древний Авраам неоднократно приносил жертвы. Так, напр., в главе 12, стихи 5, 7—8, говорится:

«И взял Авраам с собою Сарру, жену свою, Лота, сына брата своего, и все имение, которое они приобрели, и всех людей, которых они имели в Харране; и вышли они, чтобы идти в землю Ханаанскую; пришли в землю Ханаанскую... И явился Господь Аврааму и сказал ему: потомству твоему отдам я землю сию. И создал там Авраам жертвенник Господу, который явился ему. Оттуда двинулся он к горе, на восток от Вефиля; и поставил шатер свой так, что от него Вефиль был на запад, а Гай на восток; и создал там жертвенник Господу, и призвал имя Господа, явившегося ему».

Точно так же в главе 13, стихи 3—4, говорится:

«И продолжал он (Аврам) переходы свои от юга до Вефиля, до места, где прежде был шатер его между Вефилем и между Гаем, до места жертвенника, который он сделал там вначале, и там призвал Аврам имя Господа».

Далее, согласно главе 32 «Бытия», стих 29, имя «Израиль» получилось от бога («эл») области по восточному берегу Иордана, лежащий к югу от Гаадских гор: этот эл, побежденный Иаковом, передает ему свое имя:

«И сказал ему: отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с богом (элом)».

По главе 33, стихи 18—20, имя Израиль происходит от другого эла,—именно, от эла места жертвоприношений близ Сихема:

«Иаков, возвратившись из Месопотамии, благополучно пришел в город Сихем, который в земле Ханаанской, и расположился перед городом. И купил часть поля, на котором раскинул шатер свой, у сынов Еммора, отца Сихемова, за сто монет. И поставил там жертвенник; и призвал имя Господа Бога (эла) Израилева».

По главе же 35, стихи 9—10, Иаков получает имя Израиль в Вефиле (Лузе), по возвращении из Месопотамии:

«И явился Бог Иакову в Лузе по возвращении его из Месопотамии, и благословил его, и сказал ему Бог: имя твоо Иаков; отныне ты не будешь называться Иаковом, но будет имя тебе: Израиль. И нарек ему имя: Израиль».

Полная нестрая неразбериха. Но она объясняется тем, что здесь перемешаны местные сказания различных областей; мифы, относившиеся к одному месту, где приносились жертвы, и различные варианты, видоизменения этих мифов с течением времени приурочивались к другим местам жертвоприношений.

Согласно уже приведенному месту из главы 35, стих 7, Иаков, устроив жертвенник в Лузе, назвал это место Эл-Вефиль, т. е. Бог Вефиля. А по стихам 17—19 в главе 28 он назвал это место Вефиль после того, как увидел здесь во сне лестницу, поднимавшуюся от земли к небу: «И убоился, и сказал: как страшно сие место. Это не иное что, как дом Божий; это — врата небесные... И нарек Иаков имя месту тому: Вефиль (дом Божий)». Получается как будто несообразность: эл (бог) тех мест оказывается «элом (богом) дома эла» (дома божия). Но эта несообразность — только кажущаяся. Такие наименования встречались повсюду. Соответствующие примеры можно было бы указать и у финикийян. Мы уже упоминали, что бог Ваал получал там особые названия по главным местам культа. То же было и с элом Вефиля: Вефилем первоначально назывался, по всей вероятности, только водруженный там камень, в котором обитал местный эл (бог-предок), а потом это название было перенесено на всю местность, где стоял этот камень-жертвенник.

Каким представляли себе этого эла вефильского, в каком образе? В позднейшие времена этого бога, как и других первоначальных еврейских элогимов, отождествили с Ягве: с ним отождествили даже того эла, которого Иаков победил при Иавоке. Однако после возвращения из Вавилонского плена к ваящему прославлению Ягве стали представлять дело таким образом, как будто не только поклонение деревьям, камням и статуям, но и культ терафимов был особой формой поклонения все тому же Ягве. Сначала «эл» Вефиля так же не имел ничего общего с Ягве, как различные элогимы Сихема, Фавора, Дана, Маханаима, Пенуэля и т. д. Но в таком случае, что же за бог был «эл» вефильский? Ответ на это дает хвалебный гимн израильскому племени, вставленный в главу 49 «Бытия» и известный под назва-

нием «благословения Иакова». Большая часть его состоит из отрывков древнейших хвалебных гимнов, из которых одни возникли, по всей вероятности, уже в двадцатом столетии до Р. Х., а другие — в эпоху Давида. В этом гимне племена (колена) Ефрема и Манасея еще считаются не самостоятельными коленами, а оба соединены в колене Иосифа. Об этом племени Иосифа, которое занимало тогда области между Иорданом и горами Ефрема, говорится:

«Иосиф — отрасль плодоносного дерева, отрасль плодоносного дерева над источником; ветви его простираются над степию; огорчали его и стреляли и враждовали на него стрельцы; но тверд остался лук его, и крепки мышцы рук его... Силою быка (овна) Иакова от хранителя камня Израилева, от Эла отца своего — да поможет он тебе! — от Эла Саддаи да будешь благословен» (стихи 22—25).

Следовательно, эл того камня Израилля, или, как он еще назывался, того камня Иакова, которому последний поклонялся и приносил жертвы в Вефиле, назывался Саддаи (или Шаддаи), и этот эл Иакова имел образ быка.

Это указание — не единственное; оно находит подтверждение и в других местах Библии. Так, напр., в «Третьей Книге царств», глава 12, стихи 25—32, рассказывается, что по отделении северного Израильского царства от Иудеи вновь стало распространяться старое служение быку (тельцу) в Вефиле:

«И обстроил Иеровоам Сихем на горе Ефремовой и поселился в нем; оттуда пошел и построил Пенуил. И говорил Иеровоам в сердце своем: царство может опять перейти к дому Давидову; если народ сей будет ходить в Иерусалим для жертвоприношения в доме Господнем, то сердце народа сего обратится к государю своему, к Ровоаму, царю Иудейскому, и убьют они меня и возвратятся к Ровоаму, царю Иудейскому. И, посоветовавшись, царь сделал двух золотых тельцов и сказал народу: не нужно вам ходить в Иерусалим; вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской.

«И поставил одного в Вефиле, а другого в Дане. И повело это ко греху, ибо народ стал ходить к одному из них, даже в Дан, и оставили храм Господен. И построил он капище на высоте и поставил из народа священников, которые не были из сынов Левитых. И установил Иеровоам праздник в восьмой месяц, в пятнадцатый день месяца, подобный тому празднику, который был в Иудее, и приносил жертвы на жертвеннике; тоже сделал он в Вефиле, чтобы приносить жертву тельцам, которых сделал. И поставил в Вефиле священников высот, которые устроил, и приносил жертвы на жертвеннике, который он сделал в Вефиле, в пятнадцатый день восьмого месяца».

И, далее, в «Книге пророка Осии», глава 10, стих 5, говорится: «3: тельца Беф-Авена вострепещут жители Самарии: вослачут о нем приверженцы его, и жрецы его будут дрожать за него, — за славу Беф-Авена, — потому что она отойдет от него».

Таким образом Эл Саддаи мыслился и почитался в образе быка.

7. Книги Моисеевы и их историческая ценность.

Изучением Библии давно установлено, что те древние сказания относительно истории и религии евреев, которые содержатся в книгах Моисеевых, представляют работу не одного автора и уж во всяком случае не того мифического человека, который в этих сказаниях носит имя Моисея и является освободителем, основателем религии и законодателем израильских племен. Сказания эти принадлежат разным авторам, сочинения которых только по возвращении из вавилонского плена, т.-е. лишь в пятом столетии до Р. Х., переработаны иудейскими жрецами (священниками) в Тору, в теперешнее Пятикнижие Моисеево. Но даже и эти «источники», лежащие в основе сказаний Моисеевых книг, представляют собственно не первоначальные тексты их. Неизвестные авторы пользовались при составлении не только устными преданиями, древнееврейскими народными и военными песнями и т. д.: они отчасти использовали и письменные сборники песен и мифов, которые однако остались нам неизвестными, за исключением немногих дошедших до нас названий таких записей. Так, напр., один из авторов, послуживших источником при составлении Пятикнижия Моисеева и получивший у исследователей Библии название иудейского агvista (почитателя Ягве), широко использовал так называемую «книгу войн Ягве» («Sepher milchamot Jahwe»),—сборник древне-иудейских военных гимнов,—и так называемую «Книгу справедливого» («Sepher hajjaschar»),—собрание изречений и назиданий.

Но бесследно потеряны не только эти древнейшие сочинения, лежащие в основе Пятикнижия. Когда, по возвращении из вавилонского плена, иудейские священники приступили к собиранию, дополнению и обработке древних исторических и религиозных писем, были потеряны первоначальные подлинные тексты и позднейших писем, опиравшихся на древнейшие сочинения и послуживших источниками для Торы. Со времени первой записи эти «книги» в течение протекших того времени столетий неоднократно списывались снова и снова. Но переписчики вовсе не следовали буквально имевшемуся у них тексту. Те места, которые представлялись им сомнительными, шли в разрез их религиозными представлениями или нравственными понятиями, они попросту выбрасывали или подвергали истолкованиям, изменив слово сделав собственные прибавки, искажающие первоначальный смысл. Далее, они не останавливались перед тем, чтобы дополнить списываемыми сообщения всевозможными местными вариантами тех же мифов и местными же историческими преданиями,—а когда это представлялось необходимым для завершения рассказа, вставляли от себя целые части

Таким образом жрецы (священники), занятые делом обработки и редактирования, увидели перед собою разнороднейшие, взаимно противоречивые тексты писаний, которые они, поскольку это представлялось им полезным, соединили в теперешнюю Тору. Но, как оказывается:

при ближайшем исследовании, они руководствовались при этом не только чисто редакционными соображениями. Они с величайшей тенденциозностью работали на пользу своим собственным религиозно-иерархическим притязаниям. Мало того, что старую историю еврейского народа и прежде всего Иудеи они изображали, как славное прошлое, ведь сами они были иудеями: свою первенствующую задачу они видели в том, чтобы очистить веру, т. е. показать, будто иудейский культ Ягве был древнейшей религией всего еврейского народа, и будто обряды и предписания этого культа, возникшие лишь за последние два-три столетия до того времени, представляли старые священные правила, данные самим Ягве и принесенные израильянами еще из пустыни.

Но даже и эта жреческая обработка Торы, выполненная по возвращении из вавилонского плена, не сохранилась в своем первоначальном, подлинном виде. Ее тоже много раз переписывали, как в целом виде, так и в частях. И пусть позднейшие переписчики относились к делу с более благоговейной строгостью, чем их предшественники: все же вскоре опять оказались в ходу многочисленные списки и выписки, уклоняющиеся друг от друга. В эпоху борьбы Маккавеев некоторые из них были потеряны; но в ближайшие два века возникли новые, страдавшие не меньшими недостатками. Одно время даже в Палестине позднейшей эпохи были в употреблении два так сказать официальных текста Торы, сильно расходящихся между собою: иудейское и самаритянское Пятикнижие. А когда, — в третьем столетии до Р. Х., — пять книг Моисеевых вместе с другими ветхозаветными писаниями были переведены на греческий язык, наряду с только что названными возникла новая, третья официальная редакция. Конечно, легенда рассказывает, будто перевод, предпринятый одновременно, но самостоятельно каждым из 70 или 72 иудейских толковников, был выполнен с такой точностью, что, когда, окончив работу, произвели сравнение 72+ переводов, они дословно совпали между собою. В действительности о точности нечего и говорить. Попадают целые части, переведенные крайне неудовлетворительно; а такие места, которые представлялись переводчикам слишком зазорными, попросту выброшены.

После разрушения Иерусалима (70 год по Р. Х.) и падения Иудейского царства еврейские рукописи были рассеяны по всему миру; но впоследствии иудейско-вавилонская школа ученых, так называемых мазоретов («мазора» означает предание, традиция) снова собрала эти сочинения. Путем тщательного сравнения сохранившихся искаженных еврейских текстов между собою и с греческими переводами, она постаралась по мере возможности восстановить первоначальный текст ветхозаветных книг. Эта работа нашла завершение лишь в одиннадцатом столетии по Р. Х.

Таким образом текст так называемых книг Моисеевых, равно как и большей части других ветхозаветных писаний, сильно испорчен; ис-

порчен больше, чем текст большинства древних религиозных писаний, сохранившихся, от других культурных и полукультурных народов древности.

В виду этого все ссылки на то, что в таком-то из ветхозаветных писаний сказано то-то, имеют малую ценность для истории религии. Для истории религии можно было бы использовать только такие данные, которые опираются на другие исторические документы или подтверждаются фактами, полученными при изучении других народностей, стоящих почти на той же ступени развития.

В настоящее время мы не будем останавливаться на Пятой книге Моисеевой, на «Второзаконии». Рассмотрим только, каковы так называемые источники, лежащие в основе первых четырех книг Моисеевых и по возвращении из вавилонского плена переработанные в Моисеевы писания.

Исследователи Библии обыкновенно различают три основных сочинения.

1. Сочинение, составленное по всей вероятности одним или несколькими израильскими жрецами (священниками); по видимому, оно было написано главным образом с той целью, чтобы зарегистрировать религиозные обряды, учреждения и правила, существовавшие в эпоху автора или авторов, и объяснить их происхождение. Это сочинение обыкновенно называют жреческим кодексом.

2. Кроме этого сочинения, составители книг Моисеевых использовали одну книгу мифов и исторических рассказов. Она была составлена членом колена Ефремова и воспроизводит главным образом местные сказания, передававшиеся в то время в обиталищах этого племени; многие из них — древне-ханаанского происхождения. Ее обыкновенно называют элогистским сочинением. Однако редакторы, составлявшие Тору после вавилонского плена, уже не могли пользоваться этим ефремовским сочинением в оригинале: задолго до пленения, вероятно, уже в конце седьмого столетия до Р. Х., из него и другого собрания мифов путем их переработки было составлено одно целое.

3. Это «другое» собрание — религиозно-историческая книга одного иудейского почитателя Ягве, по всей вероятности священника. Он пересказывает большинство древне-иудейских легенд, отчасти, также и ханаанских сказаний о предках в их позднейшей иудейской переработке и старается доказать, что иудейский культ Ягве искони (с самого сотворения мира) был национальным культом израильского народа; следовательно, позднейший культ родовых богов и богов предков у северно-израильских племен, это — просто отпадение от Ягве. Значительную часть вставленных им песен он заимствовал по видимому из упомянутой выше «Книги войн Ягве». Этот иудейский рассказчик — пламенный почитатель Ягве. Все события иудейской истории он объясняет прямым вмешательством Ягве; поэтому почти все научные исследователи Библии называют его «ягвистом», а его сочинение — сочинением ягвиста.

Когда возникли эти древнейшие основные сочинения? Из каких религиозных воззрений исходили их авторы? Какие цели они преследовали? В какой мере первоначальные их сочинения подверглись переработке в позднейшее время? По всем этим вопросам между богословами, изучающими Библию, идет ожесточенная борьба. Она тем упорнее, что ответ на эти вопросы представляет не только чисто-научный интерес: она имеет величайшую важность и в том отношении, что таким образом решается вопрос, какова была древняя религия евреев. А некоторым либеральнейшим богословам, занимающимся критикой Библии, хотелось бы как можно больше спасти из тех старых воззрений, будто религия народа израильского уже в древнейшие времена была единобожием (монотеизмом).

Август Дилльман, один из видных историков Востока и критиков Библии, на основании своих исследований приходит к тому выводу, что древнейший из источников Пятикнижия, жреческий кодекс, возник по всей вероятности приблизительно в конце девятого или в начале восьмого столетия до Р. X. Но к той эпохе относятся лишь немногие части теперешнего текста: прежде чем попасть в позднейшую Тору, этот источник еще больше, чем остальные, подвергался различным переработкам и дополнениям. Можно показать даже, что очень значительная часть возникла лишь во время вавилонского плена, так как она представляет систематическую запись иудейских правовых обычаев и религиозных обрядов, сложившихся во время этого плена.

Вторым по древности сочинением можно считать ефреимскую книгу мифов, которая вероятно возникла полустолетием, позже, чем древнейшие части жреческого кодекса; напротив, сочинение ягвиста составлено в эпоху первых пророков, к концу восьмого или, возможно, лишь к началу седьмого столетия до Р. X.

Но с таким определением древности различных источников Библии решительнейшим образом не согласно большинство известнейших богословов, занимавшихся изучением Библии: Кюнен, Граф, Будде, Вельгаузен, Штаде. Они полагают, что рассказ ягвиста—древнейший, и относят его написанию одни—к восьмому, другие—к седьмому веку до Р. X. Элогистская книга сказаний, по их мнению, значительно позднейшего происхождения, и часть ее по всей вероятности заимствована из ягвистского сочинения. Напротив, по мнению этих исследователей Библии жреческий кодекс мог возникнуть только в вавилонском плену.

Соображения, по которым эпоха возникновения названных сочинений определяется таким образом, имеют частью историко-литературный и физиологический, частью богословский характер. Так, напр., указывают, что в жреческом кодексе, конечно, встречаются древнейшие, так называемые архаические, т. е. вышедшие из употребления слова и обороты; но по преобладающим формам выражения это сочинение, несомненно, относится к эпохе вавилонского плена. Далее, ссылаются, — как, напр., профессор Штаде в своей «Истории Израильского народа»

(I, стр. 62),—на то соображение, что «ни в одном сочинении, относящемся к эпохе до вавилонского плена, нет ни одной цитаты из этого сочинения, нельзя найти ни одного места, которое можно было бы рассматривать, как предпринятую на его основе переработку». Другими словами, среди древнейшей части Пятой книги Моисеевой, «Второзакония», невозможно указать ни одного места, которое являлось бы прямо заимствованным из жреческого кодекса. Далее указывают, что сочинение ягвиста приходится считать более древним уже по той причине, что здесь чаще встречаются архаические словообразования, чем в жреческом кодексе и в ефремитской книге сказаний, что изложение у ягвиста отличается большей свежестью, непосредственностью, имеет более народный характер, а его понятие о боге свидетельствует о несравненно большей простоте, наивности, бесхитростности. Поэтому, если в элогистской книге мифов и в ягвистском сочинении можно найти сходные, параллельные места, никак нельзя предполагать, что ягвист заимствовал эти места из собрания мифов элогиста, а наоборот, следует думать, что элогист кое-что взял у ягвиста.

Эти соображения в значительной своей части правильные: но они не доказывают того, что должны были бы доказать. Конечно, в писаниях ягвиста встречаются многие древние выражения, хотя в общем едва ли чаще, чем в элогистской книге сказаний. Но этот факт очень просто объясняется тем, что, как уже упомянуто, ягвист, составляя свои записи, явным образом использовал многие древние песни и собрания изречений и взял отсюда многие выражения и обороты в свой текст. Напротив, жреческий кодекс, много раз подвергался переработке, чистке и дополнениям, и при этих переработках устаревшие и вышедшие из употребления обороты заменялись более новыми.

Что касается представлений о боге, то здесь надо судить не по внешности, а по тому, принадлежит ли в элогистском собрании сказаний и в ягвистском сочинении перевес так называемому политеистическому (политеизм—многобожие) или монотеистическому (монотеизм—единобожие) пониманию бога, и, далее, мыслится ли бог, как человеческое существо (т.е. обнаруживающее человеческие страсти и слабости), как бог племени, бог-предок, местный бог, или же как иудейский национальный бог и бог вселенной. А если мы будем судить таким образом, то придется признать, что понятие бога у элогиста относится к несравненно более низкой ступени в развитии религии, чем тот образ, в каком ягвист представляет себе своего Ягве. Правда, изложение у ягвиста характеризуется большей простотой, наглядностью, — хотелось бы сказать, изобразительностью и осязательностью, чем в ефремитской книге сказаний. Но это объясняется отчасти различиями в изобразительном искусстве авторов, отчасти различиями тех целей, которые они преследуют.

Ефремитский собиратель сказаний ограничивается тем, что он просто записывает религиозные народные сказания и легенды, найденные им

у северного Израиля; для него далека мысль о богословских исследованиях и умозрениях. Он, насколько можно судить в настоящее время, не жрец, а, если можно так выразиться, ефремитский патриот, который интересуется древней историей своего народа и в особенности колен (племей) Ефрема и Манасея (некогда соединявшихся, как говорят древнее предание о происхождении этих племен, в колена Иосифа) и пользуется всяким случаем, чтобы представить прошлое этих племен, как самое славное во всей истории Израиля.

Ягвист преследует совершенно иные задачи. Хотя он жрец, по пишет он для массы. Он задается пропагандистскими целями и потому старается приспособиться к пониманию масс. В свое сочинение он часто вплетает всевозможные назидания и практические наставления, но уклоняется от всяких ученых рассуждений и старается так сказать популяризировать своего Ягве. Способ его письма и изложения напоминает великих народных пророков.

Из различия целей совершенно естественно вытекает и различие в способах изложения. И те приведенные выше соображения, на основании которых большинство богословов хочет признать ягвистское сочинение древнейшим, наиболее надежным и важным источником «Пятикнижия», в действительности не являются для них главными и решающими. Действительные побуждения этих богословов — богословского свойства. «Пятикнижие Моисеево», «Книга пророка Осии», «Книга судей Израилевых» и «Первая книга царств» передают красивые сказания о том, что народ Израиля при уходе из Египта уже превратился в «пацию», столь же красиво рассказывают, как Моисей вел народ и дал ему религию. И вот богословы, воздвигающие свое богословское здание будто бы очищенной от всех посторонних примесей древне-иудейской религии, не хотят расстаться с этими сказаниями, которые представляют для них «историческое свидетельство» о том, что народ израильский издревле был монотеистом. Для них еврейская религия представляет не одну среди многих других, а совершенную форму всякой дохристианской религии, такую религию, в которой, хотя она получила человеческое выражение, тем не менее открылись воля и величие вечного бога. А с этой точки зрения становится совершенно понятным, что древнейшим и наиболее надежным они хотят признать такой документ, на сообщения которого главным образом опирается их общее понимание, и который даже в частности подтверждает их понимание.

Возьмем для примера профессора Карла Будде в качестве представителя этого направления. В своей книге: «Религия Израильского народа до эпохи изгнания» (Гиссен 1900 г.), он исходит из того взгляда, что возникновение культа Ягве, как религии Ягве, совпадает по времени «с началом самого народа», и что библейское предание «до древнейших времен включительно», — т. е. до того момента, когда Библия впервые начинает говорить о «народе Израиля», в существенном следует считать надежным историческим документом.

Поэтому он считает исторически несомненным, что колыбелью народа Израильского был Египет, и что в известное время, как рассказывает во Второй книге Моисеевой, «Исходе», израильские племена вышли оттуда, что уже в пустыне они сложились в нацию, которая признала своим национальным богом горного бога хеттеев, обитавшего на Синае, причем израильские племена соединились с хеттеяским племенем номадов. А этот союз, полагает Будде, «имел своим неизменным условием и предполагал принятие хеттеянской религии, служения Ягве».

Раз богослов исходит из таких предположений, как из несомненных исторических фактов, он прямо вынужден считать ягвистское сочинение древнейшим и самым важным: в нем он находит наилучшее, иногда по существу единственное подтверждение своих взглядов. Оно безусловно необходимо ему в качестве опоры для создания древнейших отделов истории израильской религии. Он был бы непоследователен, если бы не использовал ягвистского сочинения в качестве достоверного документа, дающего точное представление о древне-еврейских религиозных воззрениях; точно так же культ предков, явственно и почти на каждом шагу выступающий в ветхозаветных писаниях, он должен считать позднейшим отпадением от монотеистического культа Ягве, совершившимся под влиянием ханаанских идолопоклонников.

Такие приемы совершенно неприемлемы для современной науки. Для нее израильская религия развалилась так же, как и другие религии, а не явилась сразу в законченном и завершенном виде. Поставив вопрос, каким образом она развивалась, мы должны обратиться к формам религии у других пастушеских народов, стоящих приблизительно на такой же ступени развития. Сравнение религиозных воззрений и обрядов у этих народов с преданиями и пережитками древнего культа, сохранившимися в позднейшую эпоху израильского народа, способно осветить многое в истории еврейских религиозных воззрений. Критика Библии, изучение разнообразных литературных источников, лежащих в ее основе, способно дать, как следует из всего предыдущего, только подготовительный материал для действительно научной истории иудейской религии.

Таким образом мы должны были бы поставить в первую очередь следующие вопросы: какую религию находим мы у других кочевых племен? Каким образом возникает поклонение силам природы? Какое место занимает оно в истории религии? Как возникает культ родового бога и племенного бога? Могли ли евреи уже в пустыне образовать нацию или народ? Как могло бы случиться, что «монотеистический» национальный бог Ягве впоследствии был опять вытеснен племенными или родовыми богами?

Только таким способом история израильской религии становится на твердую почву, и разрешаются бесконечные противоречия, из которых не хотят и не могут выбраться богословы, прилагающие все свои силы для спасения старого Ягве и укрепления в конце распатанной первоосновы современных европейских религий.

8. Был ли Ягве с самого начала богом нации?

Уже та внешняя форма, которая придана библейской истории об исходе израильского народа из Египта и о его сорокалетнем странствовании в пустыне, показывает, что эта история—просто миф; при том—если оставить в стороне, может быть, миф об Иосифе,—в этом мифе еще меньше действительно исторического содержания, чем в сказаниях о праотцах (патриархах). Едва ли можно сочетать большие противоречия, чем представляют объединенные в Библии рассказы элогиста и ягвиста об исходе из Египта; и противоречия эти—не только в частности и второстепенных вещах, но и в самой основе, в самом остове мифа. Из этого следует, что в Иудее и в области колена Ефремова существовали тогда два варианта этого мифа, коренным образом отличавшиеся один от другого. Такое явление наблюдается обыкновенно в тех случаях, когда за мифом нет исторической подоплеки, которая могла бы оставить глубокий след в народном сознании и в народных преданиях.

Вот некоторые примеры противоречий.

По тому сказанию, которое передает ягвист, израильтяне до исхода из Египта жили на пастбищах Гесем, так как они были пастухи овец:

«И сказал Иосиф братьям своим и дому отца своего... я пойду, извещу фараона и скажу ему... эти люди пастухи овец, ибо скотоводы они; и мелкий, и крупный скот свой, и все, что у них, привели они. Если фараон призовет вас и скажет: какое занятие ваше? То вы скажите: мы, рабы твои, скотоводами были от юности нашей доныне, и мы и отцы наши,—чтобы вас поселили в земле Гесем. Ибо мерзость для египтян всякий пастух овец» (Бытие, глава 46, стихи 31—34).

«И сказал фараон Иосифу: отец твой и братья твои приплыли к тебе; земля египетская пред тобою; на лучшем месте земли посели отца твоего и братьев твоих: пусть живут они в земле Гесем; и если знаешь, что между ними есть способные люди, поставь их смотрителями над моим скотом» (глава 47, стихи 5—6). «И жил Израиль в земле египетской, в земле Гесем, и владели они ею» (стак 27).

Напротив, по сказанию, переданному элогистом, израильтяне были земледельцы и жили среди египетского населения в земле Рамсес, которая, как известно, была плодороднейшей частью Египта и была сплошь занята земледелием.

«И поселил Иосиф отца своего и братьев своих, и дал им владение в земле египетской, в лучшей части земли, в земле Рамсес, как повелел фараон» (глава 47, стих 11).

И то и другое одинаково неправдоподобно. Маленький Гесем не мог дать пропитание такому многочисленному пастушескому народу, каким описывают нам народ израильский при его исходе из Египта. А если, как следует из элогиста, израильтяне занимались в Египте земледелием, как могли бы они выйти из Египта кочевым народом?

Далее, хотя элогист рассказывает, что израильтяне расселились среди египетского населения, однако по его же сообщению они составляли особый, самостоятельный народ, более многочисленный и сильный, чем египетский: в такой мере многочисленный, что египтяне увидели в этом опасность для собственного государства:

«И сказал (новый фараон) народу своему: вот, народ сынов израильтян многочислен и сильнее нас; перехитрим же его, чтобы он не размножался; иначе, когда случится война, соединится и он с нашими неприятелями, и вооружится противу нас, и выйдет из земли нашей».

Согласно же явисту, который рассказывает, что евреи были поселены отдельно от презиравших их египтян («Ибо мерзость для египтян всякий пастух овец») и жили в земле Гесем, как пастухи, выходит, что у египтян вовсе не было такого страха перед потомками Иакова, как пред большим народом: иначе они не рискнули бы обременять израильтян непомерным барщипным трудом.

«И поставил над ним (народом израильтян) начальников работ, чтобы изнуряли его тяжкими работами. И он построил фараону Мифом и Рамсес, города для запасов, и Он, иначе Илиополь... И потому египтяне с жестокостью принуждали сынов Израилевых к работам и делали жизнь их горькою от тяжелой работы над глиною и кирпичами и от всякой работы полевой» («Исход», глава 1, стихи 11, 13 — 14).

Таким образом израильтяне должны были строить фараону города и в то же время выполнять всякие земледельческие работы — замечательно подходящее занятие для кочевников, пастухов овец!

Что ни фраза, то противоречие или невозможность.

Если бы исход евреев из Египта и гибель египетского войска не были простой выдумкой, то мы должны были бы найти хоть какое-нибудь указание на это событие в египетских исторических записях. И как раз история Египта в четырнадцатом и тринадцатом столетиях до Р. Х. — в эпоху, к которой по Библии относится пребывание евреев в Египте и т. д., — известна нам с большими подробностями. Почти за каждый год нам известны важнейшие события, а зачастую даже и совсем второстепенные происшествия. И однако египетские исторические письмены ни словом не упоминают о выходе евреев или о гибели египетского войска в Красном море.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что под мифом об исходе нет никакой исторической подоплеки. Такие мифы редко или никогда не возникают, если нет воспоминаний о каких-либо действительных происшествиях. Может быть, поводом к образованию этого мифа послужило изгнание из Египта гиксов, семитического пастушеского народа; около 2100 года до Р. Х. он вторгся в дельту Нила и завоевал Нижний Египет, но в 17 столетии был изгнан царями Верхнего Египта. Может быть, основы этого сказания следует искать в том, что часть евреев-номадов, кочевавших на юго-западе Сирийской пустыни, одно время находилась под египетским владычеством. Но быть может, в основе мифа об исходе лежат ханаанские воспоминания о том времени, когда

при Тутмосисах Втором и Третьем (пятнадцатое столетие до Р. X). египтяне распространили свое господство до Финикии и Месопотамии и наложили на покоренных ханаанских князей тяжелые дани: в одном египетском списке даников, которые должны были платить дань Тутмосису III, среди ханаанских округов приведены два с такими названиями: Иаков-Эл и Иосиф-Эл (Eduard Meyer: «Israel und seine Nachbarstämme», стр. 249): новое, дополнительное доказательство, что оба имени ханаанского происхождения, и что в Ханаане так называли богов-предков, или элогимов, которым поклонялись и по имени которых назывались их потомки.

Но каким бы образом ни возникли сказания об исходе из Египта, нет никаких доказательств, что такое событие действительно совершилось; это прямо признают и отдельные исследователи-богословы, напр., Штаде и Веллбаузен.

Совершенно то же следует сказать и о сорокалетнем странствовании по пустыне. Полная бессмыслица, будто в пустынных степях, паходящихся к югу и западу от Палестины, в течение многих годов мог бы бродить скотоводческий народ, состоящий из десяти или двенадцати племен (колен). В такой области, бедной водою и растительностью, могла бы кочевать скотоводческая группа самое большое в несколько сот человек. Даже в несравненно более плодородных пустынных областях западной Аравии орды номадов составляют в настоящее время несколько сот человек только в совершенно исключительных случаях,—обыкновенно же мы находим здесь орды всего в 20—30 шатров, с 60—70—80 обитателями. Общая, совместная жизнь десятков тысяч человек положительно невозможна.

Поэтому позднейшие израильтяне, которые еще были знакомы с природой таких пустынных областей, тоже не могли освоиться с мыслью, что там некогда кочевал целый народ. По библейскому рассказу, уже на третий день по исходе евреи начали страдать от смертельных мук жажды, а вскоре затем, несмотря на взятые из Египта запасы, им стала угрожать голодная смерть.

«И повел Моисей израильтян от Черного моря, и они вступили в пустыню Сур; и шли они три дня по пустыне и не находили воды. Пришли в Мерру—и не могли пить воды в Мерре, ибо она была горька, почему и наречено тому месту имя: Мерра (горечь). И возроптал народ на Моисея, говоря: что нам пить?» («Исход», глава 15, стихи 22—24).

«И двинулись из Елима, и пришло все общество сынов Израилевых в пустыню Сив, что между Елимом и между Сивом, в пятнадцатый день второго месяца по выходе их из земли Египетской. И возроптало все общество сынов Израилевых на Моисея и Аарона в пустыне, и сказали им сыны Израилевы: о, если бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб до сыта, ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом» («Исход», глава 16, стихи 1—3).

Но тут выступает Ягве. Он повелевает, что бы проистекали источники, и хлеб падал с неба, и притом падал каждый день, а по пятницам даже в двойном количестве, — пусть его избранный народ не оскверняет субботы собиранием хлеба.

«И сказал Господь Моисею: вот, я одожду вам хлеб с неба, и пусть народ выходит и собирает ежедневно, сколько нужно на день, чтобы мне испытать его, будет ли он поступать по закону моему, или нет, а в шестой день пусть заготавливают, что принесут, и будет вдвое против того, по скольку собирают в прочие дни» («Исход», глава 16, стихи 4—5).

В добавок к этому Ягве в известное время давал еще и мясную пищу, заставлял стаи птиц налетать на израильтян.

«И сказал Моисей: узнаете, когда Господь вечером даст вам мясо в пищу, а утром хлеба досыта... Вечером налетели перепела и покрыли стан, а утром лежала роса около стана; роса поднялась, и вот, на поверхности пустыни нечто мелкое, круповидное, мелкое, как иней на земле... И Моисей сказал им (израильтянам): это хлеб, который Господь дал вам в пищу... И нарек дом Израилев хлебу тому имя: манна. Она была, как кориандровое семя, белая, вкусная же, как лепешка с медом» («Исход», глава 16, стихи 8, 13—15, 31).

По взглядам позднейших израильтян, только таким способом и могли существовать их предки в мертвых пустынях.

Неужели же эту пищу, ежедневно ниспосылаемую Ягве с неба мы тоже должны принимать за исторический факт? Но ведь даже для некоторых богослов, верующих в чудеса, такой способ пропитания требует слишком многого от их готовности верить. А если так, то остается только предполагать, что кочующие евреи жили тогда в пустыне, рассеянные и разделенные на мелкие орды, находившиеся под руководством старейшин и связаннице между собою родственными отношениями. Жили так же, как живут и в настоящее время номады Сирийской пустыни и степных областей Ирана, Туркестана и Сибири. То-есть вели такой образ жизни, о котором ясное представление, хотя и в легендарно приукрашенной форме, дают нам библейские рассказы о праотцах Аврааме, Иакове, Исаве и т. д.

Уж однородность племенной и семейной организации у евреев и древних арабов говорит за то, что образ жизни первых следовало бы сравнить с образом жизни вторых. До времен и во время Магомета племя у арабов распалось на родовые группы, называвшиеся по-арабски батун (единственное число батн), т-е. чрево, материнское чрево; члены этих родовых групп полагали, что все они произошли от одного чрева; поэтому и члены одного и того же батна назывались догум, людям «общей плоти». Большая часть этих родовых групп называла себя по имени животных: так же, как северо-американские индейцы. Таким образом мы часто встречаем роды с названиями асад (лев), бакр (молодой верблюд), таур-нагш (осел), вада (овца), гамама

(голубь), ганап (один из видов змей), дгиб (шакал), добейта (гисна) и т. д. У каждого такого рода был свой бог-предок, которого часто представляли в образе животного,—по нему-то род и получал свое название,—или о котором по меньшей мере думали, что он по временам принимал образ этого животного (тотемистического животного). Он считался отцом соответствующей родовой группы, а все члены последней—его потомками. Поэтому последние прямо называли себя потомством своего бога-предка, напр., бану асад. (потомство льва), бану бакр (потомство верблюда), бану дгиб (потомство шакала) и т. д. В этом случае слово «бану» имеет такое же значение, как слово Мак (сын, потомок) перед собственными именами у шотланцев или буква О (сокращенное от оган, звук) перед собственными именами у ирландцев. Например, Мак-Дональд—потомок Дональда, О' Коннор—потомок Коннора. Но бану—множественное число и обозначает всю совокупность потомков.

Каждый батн в свою очередь разделяется на несколько мелких групп (по-арабски гаи), члены которых связаны отношениями кровного родства; эти группы называются «домами» и «лагерями» (соответствующее слово означает скорее общую, совместную жизнь); их можно сравнить с большой патриархальной семьей, с которой мы встречаемся у большинства кочевых народов. У каждой гаи имеется свой особый предводитель (патриарх семьи) и свой семейный бог-предок. В составе более или менее обширной территории племени и рода ей принадлежали особые выпасы и водопой. Все члены гаи считались близкими кровными родственниками и были обязаны оказывать друг другу взаимную помощь; в число их обязанностей входила и кровная месть.

Древне-еврейская организация родства в точности соответствует этой древне-арабской организации. Еврейское племя (шебет, колено) тоже разделялось на несколько больших или меньших родовых групп (по-еврейски миспах), из которых каждая в свою очередь распадалась на несколько «домов отцов».

«И говорил Елисей женщине, сына которой воскресил он, и сказал: встань и пойдя, ты и дом твой, и поживи там, где можешь пожить, ибо призвал Господь голод, и он придет на сию землю на семь лет. И встала та женщина, и сделала по слову человека Божия; и пошла она и дом ее, и жила в земле Филистимской семь лет» («Четвертая книга царств», глава 8, стихи 1—2).

Мы не знаем, каков был строй этих родовых групп во время жизни в пустыне. Но еще в первые столетия по занятия Ханаана у каждой миспах была своя особая область, во главе которой был свой особый родовой или местный бог. Миспах одновременно была родовой и территориальной группой с единым общим культом. Об этих родовых группах часто упоминается в книгах Моисеевых, особенно в «Бытии», а также в «Книге судей Израилевых», в «Книгах царств»

и в «Паралипоменом»: Так, напр., в «Первой книге царств», глава 10, стих 19 и след., говорится:

«Итак, предстаньте теперь пред Господом по племенам (в русском переводе вместо племени стоит колено, а вместо рода совершенно произвольно—племя. Впрочем «племя» в этом случае означает просто «поколение», «потомство» такого-то) и по тысячам вашим. И велел Самуил подходить всем племенам Израилевым, и пал (жребий) на племя Вениаминово. И велел подходить племенам Вениаминову по родам его, и пал тогда (жребий) на миспаху (род) Матриеву. И велел подходить роду Матриеву муж за мужем, и пал жребий на Саула, сына Кисова».

Рассказ—очень характерный: сначала жребием определяется племя, затем родовая группа и только после того отдельное лицо, именно Саул, сын Кисов, т.-е. Саул из дома (большой семьи) Киса.

Из ветхозаветных писаний можно привести многочисленные места в подтверждение того, что каждая миспаха составляла группу со своей особой территорией и своим особым культом. Несомненно, наиболее интересные в этом отношении места—«Первая книга царств», глава 20, стихи 6 и 20. Давид говорит своему кровному другу Ионафану, чтобы тот оправдал его отсутствие перед Саулом следующими словами: «Если отец твой спросит обо мне, ты скажи: Давид выпросился у меня сходить в свой город Вифлеем, потому что там годичное жертвоприношение его миспахы» (его рода. По синодскому изданию—«всею родства его»). И, действительно, Ионафан оправдывает Давида, ложно уверяя Саула будто миспаха Давида совершает в родном своем городе жертвоприношение всем родом, и будто братья Давида по роду требовали, чтобы и он принял в нем участие (в синодском издании жертвоприношение всей миспахы превратилось в «родственное жертвоприношение», и весь особый смысл этого места совершенно утратился). К сожалению, указанные места ничего не говорят о том, в честь каких родовых богов устраивали родовые группы ежегодные торжественные жертвоприношения. Но из других мест ясно вытекает, что это были терафимы.

Подобно членам арабского бати, члены еврейской миспахы видели в себе кровных родственников: в известных случаях на них тоже лежала обязанность кровной мести.

«И вошла женщина феокичанка к царю и пала лицом своим на землю, и поклонилась и сказала... я давно вдова, муж мой умер; и у рабы твоей было два сына: они поссорились в поле, и некому было разнять их, и поразил один другого и умертвил его. И вот, восстало все родство на рабу твою, и говорит: отдай убийцу брата своего; мы убьем его за душу брата его, которую он погубил, и истребим даже наследника. И так они погасят остальную искру мою; чтобы не оставить мужу моему имени и потомства на лице земли» («Вторая книга царств», глава 14, стихи 4—7. В стихе 9 та же женщина говорит: «да будет вина и на доме отца моего»).

Точно также арабы предполагали, что они происходят от общего предка, который, как показывает уже слово «эд», часто присоединяемое к его имени, мыслился богом, и потомками которого они себя называли. Различие только в том, что употребительное у евреев слово «бне» или «бене, по своему смыслу точно соответствующее арабскому «бану», применялось не только к потомкам предка данного рода, но и к потомкам предка целого племени. В ветхозаветных писаниях постоянно встречаются такие выражения, как бене Иосиф, бене Иуда, бене Дан, бене Гад, бене Рахиль, бене Лия, бене Измаил, бене Израиль и даже бене Ягве: выражения, которые в русском переводе Библии обыкновенно передаются словами: дети или сыны Иосифа, сыны Дана, дети Иуды, но в действительности означали все потомство этих отцов и матерей племен, при том потомство по плоти, в физическом смысле. Таким образом слова: бене Ягве, дети (сыны) Ягве, употреблялись не как образные выражения и означали не просто почитателей Ягве, а прямо рожденных им потомков: совершенно так же, как под бене Хамос следует разуметь физических потомков бога моавитян Хамоса и т. д. И не даром во «Второзаконии», глава 32, стих 6, в так-называемой песни Моисеевой, говорится:

«Не он ли (Ягве) отец твой, который породил тебя, который даровал тебе бытие и существование»? (В синодальном издании все это затуманено до неузнаваемости истинного смысла: «Не он ли отец твой, который усвоил тебя, создал тебя и устроил тебя? В особенности хорошо слово «усвоил», в которое можно вкладывать какое угодно содержание).

В качестве подразделения миспахи (рода) мы находим «дом отцов», патриархальную большую семью. Она не была похожа на современную нашу отдельную семью, которая состоит из мужа, жены и их детей. К большой семье, кроме отца дома и его жен, принадлежали их сыновья и внуки с их женами и детьми; а также слуги и рабы, если они были обрезанные и потому могли принимать участие в праздновании пасхи. В этих семейных общинах «отец» был почти неограниченным владыкой. Женщины и дети в сущности считались его собственностью. Он мог прогнать жену, которую покупал за деньги (по еврейски «могар»), мог, если бы захотел, продать своих детей в рабство. В древнейшие времена ему, повидимому, принадлежало даже право карать смертью непослушных детей,—право, которое впоследствии подверглось ограничениям и было, наконец, передано судам. Во «Второзаконии», глава 21, стихи 18—21, говорится:

«Если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их,—то отец его и мать его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города своего и к воротам своего местопребывания и скажут старейшинам города своего: «сей сын наш буйен и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница»; тогда все жители

города его побьют его камнями до смерти; и так истреби зло из среды себя, и все израильтяне услышат и убоятся».

В тесной связи с этой организацией родства стоит разделение на тысячи, сотни и десятки, которое, согласно сказанию, впервые было введено Моисеем.

«И выбрал Моисей из всего Израиля способных людей и поставил их начальниками народа, тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками и письмоводителями, и судили они парод во всякое время; о всех делах важных доносил Моисею, а все малые дела судили сами» («Исход», глава 18, стихи 17—26).

Правда, христианские и иудейские богословы утверждали что это разделение было чисто военным разделением, подобно разделению современных армий на дивизии, бригады, полки и т. д. Но этому предположению противоречит только что приведенное место, которое говорит, что народ израильский был разделен таким образом не на случай военных действий, а для постоянного обычного управления. К тому же это сообщение подтверждается рядом других мест, в которых тысячи упоминаются как административные округа.

Вот некоторые примеры. В «Книге пророка Михея», глава 5, стих 2, говорится: «И ты Вифлеем—Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудинами? И Амос («Книга пророка Амоса», глава 5, стих 2) пророчествует: «Ибо так говорит Господь Бог: город, выступавший тысячею, останется только с сотнею, и выступавший сотнею, останется с десятком у дома Израилева». В «Первой книге царств», в цитированном выше месте из главы 10 (стихи 19—21), в еврейском тексте выражение «тысяча» употребляется, как однозначашее с «миспах» («род»).

Таким образом мы с уверенностью можем предполагать, что как у других народов, у которых можно проследить разделение на тысячи, сотни и десятки: у германцев, татар, древних перуанцев, так и у евреев это разделение совпадало с организацией родов. Десяток соответствует «дому отцов», сотня—родовой группе, тысяча—нередко упоминаемому в ветхом завете подплемени (подколену), главному роду (фратрии, межродовому союзу). Примеры легко найти в «Книге Иисуса Навина», глава 16 и 17, где говорится о распределении земли между коленами, подколенами и т. д.

Но если евреи, пока они вели жизнь кочевников, еще не составляли нации, а распались на разединенные роды и семейные общины, то этим самым доказано, что все толки о древнем «национальном боге» Ягве и об израильтянах, которые будто бы уже в пустыне обединились в «нацию» с одними и теми же юридическими учреждениями и с одним и тем же культом, представляют пустую болтовню. Нигде в мире мы не могли бы видеть, чтобы такие пастушеские народности создавали прочные, устойчивые национально-государственные организации. Даже племя представляет форму, лишленную внутренней сплочен-

ности, если только исключительно благоприятные географические условия не способствуют сравнительно тесным связям между отдельными родственными группами. Основа и ядро социального строя — выросшие на почве кровного родства род и большая семья. Утверждение, будто евреи уже во время своей кочевой жизни в пустыне поклонялись национальному богу, сводится просто к изумительному утверждению: хотя они еще не были нацией, но у них уже был национальный бог. Столь же глубокомысленно утверждение, как если бы мы сказали: в такую-то эпоху еще не было племен, но были уже предводители племен, не было еще домов и избышек, но уже были города.

Нация возникает лишь с того времени, когда несколько племен доходят до прочного расселения и путем ли союза, путем ли подчинения одних племен другими, создают своего рода политическое управление с общими учреждениями. Но и после того из почитания родовых и племенных богов лишь с большой медленностью развивается культ национального бога. Это происходит обыкновенно таким способом, что однородные божества различных племен отождествляются между собою, т.-е. в них начинают видеть одно и то же божество и переносят на него, объединяют в нем различные особые атрибуты, с которыми его до того времени представляли отдельные племена; или же это осуществляется таким способом, что одно из племен достигает руководящего положения, и вместе с тем его бог становится господствующим, главным богом.

Однако этот процесс, как и все развитие религии, совершается медленно, от ступени к ступени. Мы знаем много народностей в древности и в новое время, которые уже превратились в «нации», но тем не менее у них нет национального бога. Даже у индейцев Северной Америки в эпоху открытия последней некоторые родственные племена успели объединиться в так-называемые «нации». Так, напр., шесть племен ирокезов составили ирокезскую нацию, шесть племен криков, в впоследствии и начезоя — союз криков, семь великих «орней» дакотских племен — союз дакотов, три близко родственные племена: оджибвеи, оттава и поттаваттамис — союз оттава; а на плоскогорье Анагуак, в современной Мексике, три племена нагуатдак: ацтеки, тлакоцаны и текпуцаны, соединились в союз ацтеков, в «мексиканское царство», как называют его старинные испанские историки. Однако мы тщетно искали бы там культа национального бога.

Только у древних перуанцев мы наблюдаем, как возникает своеобразный культ национального бога. И там Виракоча первоначально был просто племенным богом, богом-творцом только племен кечуа; каждое из этих племен, поклонявшихся ему, представляло его с особыми атрибутами и называло различными почетными именами. Но с течением времени эти племена посредством союзов и завоевания тесно спаялись с племенем инков и начали видеть в себе по отношению к вновь завоевываемым племенам основное ядро, первоначальны фунда-

мент, первичный народ государства. Одновременно с тем в мифах и молитвах обнаруживается тот взгляд, что Виракоча—бог творец всех племен кечуа, и что различны только его проявления в различных племенах. Те атрибуты и особые формы почитания, которые приписывались и оказывались этому богу в отдельных областях, теперь соединяются в нем, он в одно и то же время становится творцом племени и творцом народа, «первоосновой всех вещей», «все сотворившим», «всепроникающим», «вездесущим», «животворцем земли», ее «вседержителем» и т. д.; он же сотворил и остальных богов и указал им особые области их деятельности.

С этого времени во всех племенах, покоренных инками, начинают строить храмы и выделять церковные земли не только четырем главным родовым божествам инков, но и Виракоче или Пачакамаку. Он становится «каацла Виракоча», «вездесущим творцом», все создавшим, не только в гимнах: он становится таковым и потому, что теперь повсюду, в области всех племен, объединившихся в государство Перу, возникают особые места поклонения ему. Служение ему и жертвоприношения превращаются в особую обязанность, в должность одного отдельного рода инков, айллу (миспаху, как следовало бы назвать его по-еврейски): совершенно так же, как у евреев жертвоприношения Ягве сделались особой функцией, особой должностью левитов.

В то же время инки старались сосредоточить главное богослужение в Куско, столице всего государства; там же устраивался «капак коча», «великий праздник творца», с его многочисленными человеческими жертвоприношениями.

Таким же образом шло развитие и в Египте. В древнейшие времена в областях отдельных племен и там были свои племенные и местные боги, свои Узри-Ра, Аммон-Ра, Менту-Ра, Атму-Ра, Себак-Ра, Гор-Ра, Тут-Ра и т. д.; так продолжалось до тех пор, пока не возникли три главных царства: Тис, Мемфис, и Фивы. Это повело к тому, что выдвинулись на первый план три главных национальных бога: Узирис (Озирис)-Ра, Пта-Ра и Аммон-Ра со своими супругами: Изидой, Сехтой и Мутой.

А в вавилоне? И здесь Мудрук сначала был племенным и местным богом, богом области города Вавилона; и только победа племени, населявшего эту область, постепенно возвела его в положение бога всего царства.

То же и в Индии. Мы видим, что даже Индра, великий Индра, сначала был просто особым богом-покровителем одного племени. По мере того, как последнее усиливалось, Индра вступил в соперничество с Варуной и в борьбу из-за рагна, в ту борьбу, которая так забавно обрисовывается в некоторых гимнах Ригведы *). В конце концов эта борьба в большей части страны привела к победе Индры и имела сво-

*) Особенно в книге 4, гимн 42. Сравн. Г. Бунов, Возникновение религии и веры в бога. Перев. и предисл. Н. Стоянова. Книгоиздательство „Коммунист“. Главы 9 и 10.

им последствием то явление, что Индру теперь начали отождествлять с Варуной-Азурой и чтить его под именем Индры-Варуны.

Повсюду мы наблюдаем, что национальный бог возникает только после того, как образуются нации и национальные государства. Но богословы, писавшие историю израильской религии, хотя заставляют нас поверить им, будто бы развитие Израиля шло в обратном направлении. Там будто бы сначала возник национальный бог и лишь потом возникла нация. Так, напр., Велльгаузен в своей известной книге: «Израильская и иудейская история» (Israelitische und jüdische Geschichte, стран. 31), полагает; «К политическому единству Израиль пришел лишь постепенно, благодаря подготовительной работе религии, как народ Ягве».

Еще в более решительной форме высказывает такие воззрения профессор Рудольф Сменд в своем «Руководстве по истории ветхозаветной религии» (Lehrbuch des alttestamentlichen Religionsgeschichte). Там с самого начала, на стр. 6, говорится: «История ветхозаветной религии в связи с историей Израиля должна показать, как религия возникла с народом израильским, жила в нем, испытывала сплельнейшие воздействия ото всех перемен в его судьбе, но, и, наоборот, как она с своей стороны создала и сохранила народ израильский, пропихла и подчиняла себе всю его жизнь».

Далее, на стр. 12: «Израильская религия была национальной религией, она знаменовала известные отношения между богом и народом. Поэтому действительное начало она могла получить лишь в тот момент, когда возник народ израильский. По израильскому преданию Израиль возник одновременно с исходом из Египта, и в одно время с народом появилась и его религия».

Ну, а каким образом Израиль превратился в народ? Сменд полагает, превратился он в народ не в длинном ходе исторического развития, а просто таким способом, что Моисей дал ему единого бога. Так, напр., на стр. 17 он говорит:

...«Сначала Моисей создал Израиля, и благодаря Израилю Ягве сделался богом Израиля. Он скрепил узы, связывавшие племена Израиля и в то же время создал звенья между ними и Ягве. Одновременно с одним было готово другое. Племена потому сделались Израилем, что Ягве превратился в бога Израиля».

Чисто богословские рассуждения. Не хватает только, чтобы профессор Сменд начал уверять: союз еврейских племен существовал раньше, чем появились эти племена! Следовательно, сначала существовал народный бог, потом возник народный, национальный культ и лишь после того появился народ. Но откуда эта курьезная последовательность развития, стоящая в полном противоречии со всеми наблюдениями? Да отсюда, что эта сказка помещена в книгах Моисеевых, т.-е. оттого, что ягвист так представляет порядок развития. В этом — все доказательство. Сам профессор Сменд признает этот факт в следующих прекрасных выражениях (стр. 6): «Только из исторической жизни, как

она обрисовывается ветхозаветной религией, мы узнаем историческую истину, и эта религия является здесь религией, данной от бога».

Так как ягвист представляет дело в таком виде, то так оно и было в действительности. Ах, если бы господа богословы не ограничивались изучением истории израильской религии, а занимались бы и всеобщей историей религии, при том не только с богословской, но и с экономической точки зрения; т. е. если бы они стремились объяснить историю религии каждого народа на хода его социального развития, из условий его экономического существования. Тогда они знали бы, что эта ссылка на рассказ ягвиста не имеет абсолютно никакой ценности. Ведь такого рода сообщениями, касающимися религии, то, что развилось впоследствии, переносится в прежние времена. Как бы поздно ни возник у известного народа культ национального бога, мы почти всегда видим, что по религиозным преданиям, возникшим после усвоения этого культа, народный бог существовал при начале всех вещей. Он существовал извечно, искони; он создал народ; он умножал этот народ и обеспечивал его процветание; он указал ему его обиталища, дал ему законы его культа. Он искони, с незапамятных времен, спасал, охранял свой избранный народ и карая его за пороки. Этот рассказ, внешне в различных версиях и с различными украшениями, в зависимости от особых условий развития и культурного уровня отдельных народов, по существу совершенно одинаково звучит почти во всех дошедших до нас религиозных преданиях.

Но богословы, историки Израиля, идут еще дальше. Мало того, что, по их утверждению, евреи уже в пустыне поклонялись Ягве, как национальному богу: этот Ягве был кроме того единым богом, который не терпел никаких иных богов рядом с собою. Уже в пустыне евреи были решительными монотеистами.

Это противоречит всем наблюдениям над другими народами, как кочевниками, так и земледельцами. Древние культурные и полукультурные народы Азии, Африки, Америки и восточной части средиземного моря в культурном отношении всегда стояли, несомненно, много выше, чем орды евреев, вторгшиеся в Ханаан из пустыни; но ни один из этих народов не дошел до монотеизма (единобожия). Кроме своих так называемых национальных богов, все они почитали еще более или менее обширный сонм богов низшей ступени. Но господа богословы знают, как извернутся. В природе евреев, уверяют они, совершенно особая склонность к монотеизму, в известном роде особенный инстинкт, влекущий народ к монотеизму.

Предположим на минуту, что у евреев, действительно, был такой особенный инстинкт, и что уже в пустыне они поклонялись Ягве, как единому богу. Тогда нам придется допустить, что вследствие мудрого промысла божьего, они были монотеистами искони, уже на ранних, низших ступенях своего развития,—или же мы должны думать, что они окончательно разделились со своим прежним многобожием (поли-

теизмом) ещё до занятия Ханаана, и что как и у других кочевых племен это многобожие было просто особым родом культа предков и душ. Значит, они уже до занятия Ханаана оставили позади прежний культ предков, преодолели его. Но как же объяснить в таком случае, что орды евреев, вторгнувшиеся через Иордан в северный Ханаан, несмотря на свое особенное природное предрасположение к монотеизму и несмотря на то, что внутренне они преодолели старинный культ предков, немедленно усвоили от побежденного туземного населения культ Ваала, терафимов и домашних богов, и как было показано выше, усвоили этот культ в его сравнительно грубой, отсталой форме? И еще одно странное обстоятельство: то внутреннее преодоление политеизма и те монотеистические инстинкты евреев, о которых толкуют историки-богословы в роде Будде и Смедда, не помешали евреям разом обратиться к древне-ханаанскому культу предков и отбросить культ Ягве, — и это поклонение предкам настолько прочно и глубоко укоренилось в монотеистических умах или сердцах израильтян, что все пламенные усилия пророков не в состоянии вытеснить его, и что оно удерживается до эпохи после вавилонского пленения.

Не следует ли признать, что воззрения историков-богословов глубоко ошибочны. Не следует ли думать, что в кочевую эпоху евреев Ягве был не национальным богом, а лишь богом племени и богом-предком для некоторой части евреев-номадов, и что только в Палестине по причинам политического свойства он превратился в национального бога?

Эти вопросы напрашиваются сами собою.

9. Древний Ягве.

Что такое был Ягве доханаанской эпохи? Не легко ответить на этот вопрос. Древнейшие еврейские сочинения сообщают на этот счет такие взгляды и предания, которые возникли в Ханаане многими столетиями позже и к тому же во многих пунктах подвергались «исправлениям» в интересах иудейских жрецов-левитов. Но некоторые из древнейших преданий все же дают для исследования известные опорные пункты.

Прежде всего следует установить, что вошедшее в современную «Вторую книгу Моисееву» («Исход») мифическое сообщение о походе еврейских племен к Синаю, о том, как Ягве открылся там, дал свои законы и ввел свой культ во всем народе Израильском, взято исключительно из злоязычного сочинения. Ягвист ничего не знает об этом сказании. У него Моисей возвращается в Египет из земли Мадьямской (т. е. из северо-западной Аравии) при следующих обстоятельствах («Исход», главы 3 и 4). Когда он пас стадо близ Хорива, Ягве явился ему в пламени огня тернового куста и велел вывести Израильский народ из Египта. Моисей подчиняется повелению. Две-

надцать колен выходят из земли Гесем, их преследуют египтяне, но устрешенные огненным видом Ягве, гонятся за израильтянами по дну Красного моря, осушенного восточным ветром, и там погибают, потопленные возвратившейся на свое место водой («Исход», глава 14). Ягвист не знает такого сказания, согласно которому и сыны Израилевы сначала прошли по осушенному дну Красного (Черного по Библии) моря. Из земли Гесемской Моисей идет к Массе и Мериве в оазисе Кадеес, высекает там воду из скалы для умирающих от жажды израильтян («Исход», глава 17, стихи 1—7), ведет их к победе против напавших амаликитян («Исход», глава 17, стихи 8—13), и затем сам делается верховным судьей Израиля.

«На другой день сел Моисей судить народ, и стоял народ пред Моисеем с утра до вечера» («Исход», глава 18, стих 13).

Моисей избирает старейшин и судей и внушает им уставы и законы, по которым они должны действовать (глава 18, стихи 14—26).

Таким образом в ягвистском сообщении отсутствует весь поход к Синаю, все прямое законодательство Ягве и т. д. Напротив, Моисей собственной властью, как доверенный Ягве, издает закон в оазисе Кадеес. И этот рассказ ягвиста подтверждается преданиями, вошедшими в другие мифы. Мерива в Кадеесе упоминается уже в несравненно более раннее время, как древний священный источник («Бытие», глава 14, стих 7). И далее в других местах, напр., в иудейско-левитском—хвалебном гимне, присодиненном в виде «благословения Моисея» к «Второзаконию» (глава 33, стихи 1—16), Ягве называется не богом, восседающим на Синае, а богом, обитающим в терновом кусте:

«Благословение явившегося в терновом кусте да придет на главу Иосифа».

Из этой коренной разницы обоих сообщений получается тот вывод, что в эпоху, когда ягвист (иудейский левит) составил свой рассказ, сказание о походе к Синаю и о данных там богом заповедях, по всей вероятности, еще не получило всеобщего распространения в Иудее,—или по крайней мере не все считали его правдоподобным и заслуживающим внимания.

Итак, пред нами прежде всего тот факт, что, согласно одному преданию, Ягве был первоначально богом, обитающим на Синае, откуда он дал народу Израильскому свои законы, а по другому сказанию он пребывает в столпе пламени (огонь из земли) среди тернового куста в оазисе или близ оазиса Кадеес (Кадеес—значит святость), и в этом же оазисе Моисей дал законы назначенным им судьям. К этому присоединяется тот дальнейший факт, что у многих ветхозаветных писателей сохранилось воспоминание о том, что при прохождении еврейских племен через оазис Кадеес у вод Меривы (Мерива значит спор, битва, распря. В синодском издании русского перевода «Мерива» передается словами: «искушение и укорение»). «Исход», глава 17, при-

мечание к стиху 7) между евреями произошло жестокое столкновение, закончившееся поражением колен Левии и Симеона и уничтожением их притязаний на политическую самостоятельность.

Первое из этих указаний мы находим в так-называемом «благословении Иакова» («Бытие», глава 49), — древнем гимне, который описывает достоинства колен и занимаемые ими области и наряду с песнью Доверы («Книга судей израильтян», глава 5), принадлежит к числу древнейших произведений, вошедших в Библию. В «благословении Иакова», «Бытие», глава 49, стихи 5—7, говорится:

«Симеон и Левий, братья, орудия дерзости мечи (ножи) их. Я не хочу участвовать в их шланах и иметь что-либо общее с решениями их собраний. Во главе своем они убили мужей и в надменности своей искалечили (надругались) быка. Проклят гнев их, ибо был столь жесток, и ярость их, ибо была столь свирепа Разделю их между Иаковом (т. е. потомками Иакова) и рассею их в Израиле» (основной смысл русского перевода в синодальном издании такой же, но он совершенно затушеван вычурной искусственностью выражений. Например, там мы читаем: «в советах их да не ввидет душа моя, и к собранию их да не приобщится слава моя; ибо они во гнев своем убили мужа и по прихоти своей перерезали жилы тельца»).

Смысл этих слов может быть только один: племена, или, точнее, роды Симеона и Левии (Симеон и Левий — ютематические имена, а не названия племен; бене Симеон означает потомство гены; бене Левии — потомство дикой коровы) обнажили мечи против других участников похода, убили некоторых из них и изувечили «быка», т. е. быка, изображавшего Ягве: еще в течение нескольких столетий после того времени Ягве представляли в Иудее в образе быка («тельца русского перевода Библии в синодальном издании»). За это на них пало проклятие Ягве. Они лишились политического равноправия и должны были жить рассеянными среди других еврейских племен (колен).

Это истолкование подтверждается приводимым у элогиста вариантом предания, записанным позже по меньшей мере двумя столетиями. Он рассказывает («Исход», глава 32, стихи 26—28), как Моисей, разгневанный тем, что израильтяне сделали золотую статую молодого быка («литого тельца»; говорится в синодальном издании русского перевода), стал в воротах израильского стана и воскликнул: «кто принадлежит Ягве («кто Господен», значит в синодальном издании), иди ко мне!» Затем рассказ продолжает:

«И собрались вокруг него все левиты. Он же сказал им: так говорит Ягве, бог Израиля: до опоянется каждый мечем и пройдет по стану от одного входа до другого и обратно и убивает всякого, кто бы он ни был, братьев, друзей, родственников. И сделали левиты по приказанию Моисея. И пало в тот день из народа около трех тысяч человек». Таким образом и из этого рассказа следует, что между евреями во время похода произошло кровавое столкновение.

Другое доказательство дают следующие слова о Левии, находящиеся в так-называемом благословении Моисея («Второзаконие», глава 33). О колене (роде) Левии там говорится:

«Туммам твой и урим твой (принадлежности гаданий) принадлежат мужам благорасположенного к тебе, которого ты испытал при Массе, против которого ты сражался при водах Меривы».

Из этого следует, что, вопреки элогистскому сообщению, племя Левии некогда сражалось при Мериве в Кадесе не за Ягве, — который в данное время был благорасположен к нему, — а, как говорят только что приведенная более древняя цитата, против Ягве.

Глава 20 «Четвертой книги Моисеевой» («Числа») рассказывает это старое предание по-другому. Стих 13 говорит: «Это — вода Меривы, у которой вошли в распрю сыны Израилевы с Ягве». Но, как следует из стихов 2—5, израильтяне не потому «вошли в распрю с Ягве», что отпали от него, а потому, что он не давал им воды. Но это — позднейшая версия, позднейшее истолкование событий, на что отчасти указывает стих 24 той же главы:

«Пусть Аарон присоединится к своим сотоварищам по колему, ибо он не войдет в землю, которую я дал потомкам Израиля, так как при водах Меривы он действовал вопреки моему повелению».

Выходит, что воды Меривы уже существовали, и их не приходилось ударами жезла извлекать из скалы. И, далее, Аарону возвещается смерть за то, что он действовал у Меривы вопреки велению Ягве и изготовил статую быка (золотого тельца). А во «Второзаконии», глава 32, стихи 49—52, и Моисей присуждается к смерти за то, что при Мериве среди израильского стана он согрешил против Ягве и нарушил верность ему:

«И говорил Ягве Моисею в тот же самый день и сказал: взойди на сию гору Аварим, на гору Нево, которая в земле Моавитской, против Иерихона, и посмотри на землю Ханаанскую, которую я даю во владение сынам Израилевым; и умри на горе, на которую ты взойдешь, и приложишь к народу твоему, как умер Аарон брат твой, на горе Ор, и приложился к народу своему, за то, что вы согрешили против меня среди сынов Израилевых при водах Меривы в Кадесе, в пустыне Син, за то, что не явили святости моей среди сынов Израилевых; пред собою ты увидишь землю, а не войдешь туда, в землю, которую я даю сынам Израилевым».

Что-то произошло при водах Меривы, но что именно, на это и здесь имеется лишь не вполне определенное указание.

Можно было бы привести целый ряд таких мест из ветхозаветных писаний, — между прочим из «Псалтири». Но вот также некоторые места из «Книги пророка Иезекииля».

...«Южный край с полуденной стороны от Тамары до вод пререкания при Кадесе (в синодском издании Кадес «Пятикнижия Моисеева» превращается здесь в «Кадис»), и по течению потока до великого моря; это полуденный край на юге» (глава 47, стих 19).

«А подле границы Гада на южной стороне идет южный предел от Тамары в водах пререкания при Кадесе, вдоль потока до великого моря» (глава 48, стих 28).

Если принять во внимание эти предания, близкую связь языка у еврейских племен с арабскими, а также тот факт, что племя (колено) Иуды вторглось в Палестину через едомитскую область к западу от Красного моря, при том вторглось вместе с остатками колен Левии и Симеона, то с некоторой степенью вероятности мы можем остановиться на следующем.

Из северо-западной Аравии, области, занятой племенем мадями-тян, во племя или та часть племени, которая впоследствии послужила ядром племени Иуды (по-еврейски Иегуда), была оттеснена к северу и постепенно отодвинута до оазиса Кадес. Здесь оттесненные натолкнулись на две родовых группы, находившиеся между собою в союзных отношениях, группы Левии и Симеона, до того времени владевшие оазисом. Между этими группами и пришельцами разразилась борьба из-за обладания источниками Меривы и тамошней святыней, огненный столб (подземный огонь) в терновом кусте Бене (дети, потомство) Левии и Симеона напал на стан Иуды, убили несколько мужчин и зауродовали «образ быка», т. е. выставленную в стане статую племенного бога, которому поклонялись бене Иуды, и которого они по всей видимости представляли обитающим на горе (можно не останавливаться на вопросе, был ли этой горой Синай). Но бене Иуды отоместили. Они покорили левитов и колено Симеоново, овладели оазисом и присоединили остатки побежденных к своему племени, но не как равноправную составную часть, а как зависимых, своего рода вассалов.

За время пребывания в оазисе Кадес, длившегося по всей вероятности в течении нескольких поколений, обряды культа, принесенные с собою бене Иуды, в значительной степени перемешались с ритуальными обычаями, существовавшими в некоторых пунктах Кадеса. Для бене Иуды, огонь из земли был явлением их старого племенного бога. И уже в ближайших поколениях возникла легенда, «эл», пребывающий в подземном огне, в виде огненного столба последовал за своим племенем из своего прежнего местопребывания на горе и вместе со своим потомством обосновался в Кадесе. Этот взгляд оказывается в различных местах ветхозаветных писаний, — хотя в различных местных версиях. Так, напр., по некоторым из этих местных сказаний Ягве сначала поселяется в горах Сивр, расположенных к юго-западу от Кадеса, и лишь потом переселяется в Кадес. Так, напр., в начале «Благословения Моисеева» («Второзаконие», глава 33, стих 2) говорится:

«Ягве пришел от Синая, он блистал им (бене Иуды) от Сивра, он воссиял от горы Фараона и пошел в Мериву-Кадес, — одесную пылающий огонь».

Таким образом для бене Иуды представление об их старом божестве, обитающем на горе — Синае, — связалось с пламенеющим огнем

ним столбом в терновом кусте. Напротив, левиты и симоониты крепко держались старых традиций. В течение нескольких столетий сказание о том, что Ягве раньше пребывал на Синае, оставалось чуждым для них. Ягве для них, — это был тот, который горит «среди тернового куста» и который искони почитался их предками в этом святилище. Отсюда — то странно» на первый взгляд явление, что даже в значительно позднейшее время левиты игнорировали сказание о Синае и сами называли себя настоящими древнейшими поклонниками Ягве, которые в наиболее чистом виде соблюдают древние обряды, относящиеся к культу Ягве.

Потому-то и в уже упоминавшемся благословении Моисея о левитах говорится:

«Ибо они хранят твои (Ягве), заповеди и завет твой соблюдают».

Из Кадеса колена Иуды, ведя борьбу с амаликитянами и эдомитянами, проникло в горы позднейшей Иудеи; при случае, чтобы обеспечить себе поддержку, вступало в союзы с родами эдомитян и затем разместилось к западу от Мертвого озера, где оно мало-по-малу перешло от кочевого быта к земледелию.

Стихи 8—12 в главе 49 «Бытия» («благословение Иакова») очень ясно обрисовывают нам эту фразу развития:

«Молодой лев Иуда, Хищничеством ты, мой сын, поднялся. Теперь он вытянулся, улегся, как лев и его львица. Кто спугнет его? Он привязывает к виноградной лозе осленка своего и к лозе кучшего винограда осленка ослицы своей. Он моет в вине одежду свою и в крови гроздьев одеяние свое. Глаза его мрачны от вина и белы зубы его от молока».

Племя (колено) Иуды, которое так долго существовало скотоводством и, подобно льву, разбоем в пустыне, перешло к земледелию. Вместе с тем изменились воззрения на бога и обрядности культа. Ягве, бог племен кочевников, превратился в бога хранителя полей, покровителя земледелия, главной заботой которого теперь становится процветание полевых растений, испослание солнечного света и дождя. В то же время изменился и характер жертвоприношений: кроме жертв человеческих и животных, начали приносить жертвы «первинками («начатками») поля» — зерно, хлеб, вино и масло. Возникли постоянные места культа со своими особыми жертвенниками (алтарями) и жреческим сословием, живущим около этих мест; оно наделялось собственными землями, оброками (десятинами) и дарами.

Но тогда открылась новая эра для левитов, бывших хранителей огня Ягве в Кадесе. Бене Иуды поделили завоеванную землю между собою по тысячам и сотням и занялись хозяйственной деятельностью, как пастухи и земледельцы. В северо-восточной части завоеванного Эдома (Идумеи) земля была выделена и симоонитам. Но их земля, как верно сообщает «Книга Иисуса Навина» (глава 19, стихи 1—9), не составляла сплошной особой территории и особого политического целого, а представляла области, рассеянные между областями бене Иуды:

«Второй жребий вышел Симеону, колену сынов Симеоновых, по племенам (родам) их; и был удел их среди удела сынов Иудиных. В уделе их были: Вирсавия, или Шева, Молада, Хацар-Шуал, Вала и Ацем, Елтолд, Вефуд и Хорма, Циклаг, Беф-Маркавоф и Хапар-Суса, Беф-Лавоф и Шарухен: тринадцать городов с их селами. Аин, Риммон, Ефер и Апан: четыре города с селами их, и все села, которые находились среди городов сих даже до Валааф-Беера, или южной Рамы. Вот удел колена сынов (бене) Симеоновых, по племенам (родам) их. От участка сынов Иудиных выделен удел колону сынов Симеоновых. Так как участок сынов Иудиных был слишком велик для них, то сыны Симеоновы и получили удел среди их удела».

Но всей вероятности, они несли барщинные работы на окружающие их иудейские роды. В результате они в несколько столетий совершенно растворились среди окрестного населения и почти не упоминаются в позднейшей истории Иудей.

Иначе было с левитами. Им вообще не отдели определенных областей, они были таким образом вынуждены искать прибежища у состоятельных иудейских поселенцев. В особенности успешно находили они то или иное занятие при возникавших в большом количестве новых местах культуры: не даром они, бывшие хранители святыни Ягве в Кадеше, считались наидиущими знаками древних ритуальных обрядов и религиозных правил. Во «Второзаконии», глава 18, стиха 1—8, говорится:

«Священникам левитам, всему колону Левиину, не будет части и удела с Израилем: они должны питаться жертвами Господа и его частью; удела же не будет ему между братьями его; сам Господь удел его, как говорил он ему. Вот что должно быть положено священникам от народа, от приносящих в жертву волов или овец: должно отдавать священнику плечо, челюсти и желудок; также начатки от хлеба твоего, вина твоего и елея твоего, и начатки от шерсти овец твоих отдавай ему, ибо его избрал Господь Бог твой из всех колен твоих, чтобы он предстоял пред Господом Богом твоим, служил и благословлял во имя Господа, сам и сыны его во все дни. И если левит придет из одного из жилищ твоих, из всей земли сынов Израилевых, где он жил, и придет по желанию души своей на место, которое избрет Господь, и будет служить во имя Господа Бога своего, как и все братья его левиты, предстоящие там пред Господом, то пусть они пользуются одинаковою частью, сверх полученного от продажи отцовского имущества».

Но они по большей части не были верховными, главными жрецами: высшие должности доставались жрецам из господствующих иудейских родов. В отличие от левитов («колено левиино») они впоследствии называли себя ааронаитами («колено аароново»).

Но количество священных мест все увеличивалось, культ Ягве о всемирноземлем царства Иудейского народа распространялся на области

северо-израильских племен, при Соломоне служение Ягве централизовалось в Иерусалиме, религиозные обряды скоро усложнились. Вместе с тем положение левитов все более возвышалось, хотя в некоторых случаях аарониты веди против них решительную борьбу и иногда оттесняли на задний план. Но наиболее влиятельного положения, наибольшей силы достигли левиты по возвращении из вавилонского плена и по возрождении Иудейского царства.

Таким образом Ягве первоначально был племенным богом-предком только Иудейского племени (колена) и присоединенных к нему чужих родовых групп. Как мы увидим из следующей главы, северо-израильские племена восприняли культ Ягве от иудейского населения лишь впоследствии, по возникновении Израильского царства. Но даже и в области Иудей Ягве не был единым богом. Мы уже не говорим о том, что одна часть населения, храня предания о Синае, представляла Ягве и поклонялась ему в образе быка, а другая часть, под влиянием левитских воззрений, почитала его в образе пламенеющего столба пламени, подземного огня Кадеса. Кроме того, в широких кругах находила еще поклонение и змея Нехуштан. Это по всей вероятности был бог какого-нибудь арабского или ханаанского клана (рода), в свое время растворившегося в племени Иуды и передавшего ему свой культ. В «Четвертой книге Моисеевой» («Числа»), глава 21, стихи 4—8, рассказывается, что, когда народ стал роптать на Моисея, выведшего его в пустыню, где нет ни хлеба, ни воды,— «послал Господь на народ ядовитых змеев, которые жалили народ, и умерло множество народа из сынов Израилевых... И сказал Господь Моисею: сделай себе медного змея и выставь его на знамя, и если укусят змеем какого-либо человека, укушенный, взглянув на него, останется жив. И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змеем жалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив».

Это—явным образом позднейшее объяснение культа змея, возникшее в эпоху, когда уже утратилось представление о действительных источниках этого культа. Выходило, как будто и змее поклонялись по повелению Ягве, и как будто культ змеи был культом самого Ягве.

Позже, когда в Иерусалиме был построен храм Ягве, там нашло себе место и «медное изображение» этой змеи, перед которыми поставили жертвенник (кадильник). И лишь Езекия, царь Иудей (около 700 лет до Р. К.), как рассказывается в «Четвертой книге царств», глава 18, стих 4, велел уничтожить этого идола и положил конец культу змеи:

«Он (Езекия) отменил высоты (т.е. уничтожил жертвенники, устроенные на горах), разбил статуи, срубил дубраву (т.е. священную рощу) и истребил медного змея, которого сделал Моисей, потому что до самых тех дней сыны Израилевы кадили ему и называли его Нехуштан».

Кроме того, мы видим, что в Иудее, как и в северном израильском царстве того времени, культ терафимов имел всеобщее распространение. Но богословы, отстаивающие то воззрение, что у еврейского народа всегда было особое внутреннее предрасположение к монотеизму, стараются и здесь извернуться. Они ссылаются на упоминавшийся выше рассказ о том, как некий Миха сделал терафима и нанял молодого левита, который сделался священником и совершал богослужение пред терафимом («Книга судей Израилевых», глава 17). Некоторые стихи этой главы явно искажены, прямо фальсифицированы. В результате получилась путаница, о которой дают представление первые шесть стихов главы 17 по синодальному изданию:

«Был некто на горе ефремовой, именем Миха. Он сказал матери своей: тысяча сто сиклей серебра, которые у тебя взяты и за которые ты мне изрекла проклятие, это серебро у меня, я взял его. Мать его сказала: благословен сын мой у Господа! И возвратил он матери своей тысячу сто сиклей серебра, и сказала мать его: это серебро я от себя посвятила Господу для тебя, сына моего, чтобы сделать из него истукана и литый кумир; итак, отдаю оно тебе. Но он возвратил серебро матери своей. Мать его взяла двести сиклей серебра и отдала их плавилицу. Он сделал из них истукан и литый кумир, который в доме Миха. И был у Миха дом Божий. И сделал он ефод и терафим и посвятил одного из сыновей своих, чтоб он был у него священником. В те дни не было царя у Израиля: каждый делал то, что ему казалось справедливым». Далее следует рассказ о пайме молодого левита.

Казалось бы, дело все же достаточно ясное. «Истукан», «литый кумир», «терафим», о каком бы это служении Ягве могла идти речь? И недаром последние из приведенных нами слов как бы стараются смягчить впечатление от действий Миха и его матери, ссылаясь на воцарившееся у Израиля безначалие.

Но у богословов все это выходит иначе. Они ссылаются на подчеркнутые у нас слова в стихе 6 и заявляют, будто бы культ терафимов совершался во славу Ягве. Другими словами: еврейские племена во славу Ягве поклонялись родовым богам-предкам, которых они представляли себе в образе отчасти людей, отчасти животных.

Такое смелое утверждение может высказать только человек, который ничего не знает ни об организации родства у первобытных народов, ни о существующем у них культе предков и душ. Да, впрочем, большинство этих господ действительно незнакомо сколько-нибудь близко с культом предков и тотемов. Для них существуют только иудейская и христианская религии, а затем разве еще остоетвенная религия (культ сил природы). Но если даже они не понимают культа предков у родовых групп, все же они должны были бы обратить внимание на то, что у каждой миссии был свой особенный терафим, и что терафимов представляли себе совсем не в таком образе, как Ягве. Мы уже ссылались на главу 19 из «Первой книги царств», где рассказывается,

как Мелхола, жена Давида, спасая мужа от посланных Саулом слуг, положила терафима в постель, покрыла одеждой и выдала за будто бы заболевшего Давида. Следовательно, терафим рода Давидова имел вид человека. К тому же жрецы Ягве до некоторой степени укрепив свое положение, начали решительную борьбу против культа терафимов. Но ведь эта борьба была бы совершенно бессильна, если бы этот культ был просто особой формой поклонения Ягве,

Однако большинство ученых богословов, занятых критикой Библии, не ограничиваются тем, что они выдумывают древне-еврейский монотеизм: они утверждают кроме того, Ягве был богом природы, и что его религия была чистой формой естественной религии. При этом они действуют по довольно упрощенному рецепту. Они с самого начала утверждают: всякая первоначальная религия—поклонение силам природы, естественная религия. А следом затем делают такой вывод: так как древние евреи тоже были еще грубым народом пустыни, то, значит, и их религия должна была представлять культ природы. Но культ природы предполагает бога природы, а потому Ягве был богом природы.

Пусть так. Но в таком случае какое же явление природы олицетворялось в Ягве? Некоторые либеральные богословы ссылаются на главу 19 «Исхода», где между прочим говорится:

«На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии, и густое облако над горою Синайскою... Гора же Синай вся дымилась от того, что Господь сошел на нее в огне; и восходил от нее дым, как дым из печи, и вся гора сильно колебалась» (стихи 16, 18)

Этими стихами для некоторых богословов вопрос окончательно решен: первоначальный Ягве был бог вулкана и огня, и поклонение Ягве возникло с того времени, как евреи на своей родине, в северной Аравии, пережили вулканическое извержение.

Вывод кажется бесспорным и самоочевидным. Плохо только, что он противоречит всей действительной истории религий. И в первую очередь напрашивается вопрос: ну, а до того времени, как евреи наблюдали извержение вулкана,—что же, быда ли у них, какая-нибудь религия, или же тогда у них еще не было никакого культа, никакого представления о боге? Предположение, что у них раньше не было никакой религии, противоречит тому бесспорному факту, что та или иная религия есть у всех таких народов, даже у таких, которые стоят на бесконечно более низкой ступени развития, чем древние евреи. Следовательно, у евреев уже была своя религия. А так как,—что является общепризнанным фактом (см., напр., Goldziher, *Culte des ancêtres chez les Arabes*. Paris, 1885.)—арабы до своего обращения в магометанство почитали богов-предков, то следует предполагать, что культ предков существовал и у древних евреев. Пусть же эти евреи, уже знавшие культ предков, действительно пережили такое новое для них явление, как вулканическое извержение; какое влияние оказало бы это на их прежние представления о боге? Расстались ли бы они

просто со своим старым культом и перешли бы к культу природы? Кто думает так, тот никогда не поймет хода религиозного развития диких и полукультурных народов. Укоренившиеся религиозные представления так легко не отбрасываются. В вулканическом извержении евреи увидали бы скорее бы всего проявление, быть может, появление одного из сильнейших своих богов-предков, — или же решили бы, что это ужасное зрелище — враждебное выступление мощного бога-предка, чуждого их племени. Если бы впечатление, произведенное таким явлением природы, оказалось достаточно сильным и на долгое время дало бы работу их фантазии, в результате всего этого они приписали бы всею главному богу-предку власть вызывать огонь из земли и перенесли бы его главное местопребывание на огнедышащую гору. Собственно же культ вследствие вулканического извержения не испытал бы никаких перемен; и во всяком случае поклонение предкам не превратилось бы от этого в культ природы.

Тот взгляд будто бы зрелище изумительных явлений природы непосредственно наталкивает наивный ум первобытного человека на поклонение природе, ошибочно в самой своей основе. Многие дикари живут среди величественной природы. Но хотя окружающая природа оказывает известное влияние на их космогонические представления, — т.-е. на представления о возникновении мира, — тем не менее мы не находим у них никаких признаков естественной религии, а в зависимости от уровня их развития наблюдаем культ духов, тотемов, демонов или предков. К культу природы приводит не просто вид тех или иных явлений природы, а лишь сознание зависимости собственного существования от силы природы. Культ природы возникает только с того времени, когда человек начинает чувствовать полную зависимость всего своего бытия от природы, когда он видит, с какой неопределимой силой вторгается она в его борьбу за существование и играючи уничтожает результаты его тягостного труда; значит, культ природы возникает с того времени, когда земледелие развилось настолько, что плоды его становятся важнейшими, необходимейшими средствами человеческого существования.

На первых ступенях в развитии религии мы не найдем культа природы. Поэтому мы не найдем его у туземцев Австралии, кафров южной Африки, малазийцев, полинезийцев и у северо-американских индейцев. Но в самых рельефных очертаниях он выступает перед нами у древних культурных народов, занимавшихся земледелием и живших в областях великих рек Азии и Африки.

Но где же в самом деле те характерные черты, которые заставили бы нас считать старого, первоначального Ягве богом природы? Что общего с культом природы имеет хотя бы тот взгляд, что отношение человека к его богу представляет кровный союз? Или тот взгляд, что душа человека и животных находится в их крови? Или требование, чтобы первенцев приносили в жертву? Или обрядности пасхальной трапезы, знаменующей все тот же кровный союз? Во всем этом нет никакого касательства к культу природы.

10. Превращение Ягве в народное и национальное бога.

В северные области Палестины гулыт Ягве против много позже, хотя вторгшиеся туда еврейские племена много раньше, чем в Иудее, сделались оседлыми и перешли к созданию отдельных племенных государств. Уже в египетских документах, относящихся к эпохе Тутмосиса III, рассказывается, что на египетские владения в Палестине постоянно нападают воинственные племена пустыни, — «хабири». Повидимому, так назывались тогда евреи у египтян. По всей вероятности, цари хананских племен сами вызывают эти орды из пустыни, чтобы с их помощью избавиться от египетского господства. И действительно, этого удалось достигнуть. Но призванные евреи, свергнув господство египтян, не ушли обратно, обосновались в стране. Они отчасти отделили хананское население, отчасти перемешались с ним, т. е. включили отдельные части туземных племен и родов в свои родовые организации, принесенные ими из пустыни. Таким образом после многих передвижек и перетасовок, в западу и востоку от Иордана из колонизация и внутренней борьбы возникли мелкие племенные государства, распавшиеся на области тысяч и сотен и управлявшиеся «начальниками (вождями) и старейшинами».

Пока позднейшие племена (колена) Ефрема, Манассии, Рувима, Гада, Завулона, Иссахара и т. д. еще кочевали в пустыне, они, вопреки «Пятикнижию», еще не представляли чего-то сложившегося, выделившегося: они образовались уже в Палестине, из родовой организации вторгшихся орд евреев. Это доказывают уже названия еврейских племен, которые отчасти представляют имена не древне-еврейских предков, а мест, захваченных в Палестине; о том же ясно говорят и некоторые позднейшие предания. Так, напр., имя Вениамин — первоначально не имя того или иного лица. Оно означает «южный», т. е. «южная», живущая на юге, часть племени. Следовательно, оно просто указывает на положение захваченной области. Объясняется оно тем, что область была захвачена частью племени Ефрема-Манассии, направленной с севера, по всей вероятности, для военного похода; да и самое маленькое племя Вениаминово первоначально представляло, повидимому, всего лишь колонию, тысячу, выделившуюся из племени Ефрема. Точно так же позднейшее племя Дана сначала было колонией-тысячей племени Ефремова, расселившейся на берегу моря к западу от гор Ефрема. Впоследствии, отнесенное жившими на юге филистимлянами, оно продвинулось в страну гетов, лежащую к северу от Генисаретского озера, завоевало область Ешана и сделалось здесь самостоятельным.

Иссахар, по библейскому сказанию сын Лии, тоже не личное имя. Это название означает «тягловой», «несущий принудительные работы». Название объясняется тем, что эта часть вторгшихся в Палестину евреев подалась к северу и здесь в течение долгого времени

находилась под владычеством южных финикиян и должна была отбывать на них принудительные работы; поэтому и в древнем «благословении Иакова», — одной из древнейших частей Библии, — говорится («Бытие», глава 49, стихи 14—15):

«Иссахар, как копящий осел, лежащий между нагорьями. И увидал он, что место его покоя хорошо и что его область приятна; и согнул он свою спину для ношения тяжестей и стал работать, чтобы уплачивать дань».

Повидимому, Иссахар находился в отношениях близкого родства с соседним маленьким племенем Завулон, которое, согласно сказанию, тоже было отпрыском Лии, и в позднейшее время поселился в горной области Табор (Фавор), лежащей на северо-западе равнины Киссона. «Второзаконие», глава 33, стихи 18' и 19, рассказывает, что они сообща занимались торговлей и сообща же совершали жертвоприношения:

«О завулоне (Моисей) сказал: веселись, Завулон, в путях твоих, и Иссахар, в шатрах твоих; созывают они парод на гору, там закаляют законные жертвы, ибо они питаются богатством моря и сокровищами, сокрытыми в песке».

Бене (потомки) Гадовы по библейскому сказанию происходил от «Гада», сына Иакова и его наложницы Зельфы, служанки (рабыни) Лииной. Но в действительности «Гад» — древняя богиня одного племени у южных финикиян. Следовательно, племя Гадово первоначально поклонялось Баалат, т.-е. богине, являвшейся богом-предком племени. Уже по одной этой причине мы должны думать, что в его состав вошли крупные части хананейян, — иначе бог-предок последних едва ли сделался бы богом племени Гадова. Отдельные замечания ветхозаветных писаний о Гаде указывают, что это племя в еще большей мере представляет продукт смешения, чем другие северно-израильские племена.

Таким образом епрейские племена, это — сравнительно новые образования, возникшие лишь по расселении в Ханаане и еще не существовавшие в эпоху жизни в пустыне. Но это вовсе не значит, что в то время евреи еще не разделялись на племена и роды. Разделение на крупные и мелкие родовые группы, или на тысячи и сотни, много древнее, чем расселение в Палестине; возможно, что оно существовало у «хабиров» (евреев) и их предков уже целые тысячелетия. Возникновение новых племен не следует представлять таким образом, как будто в борьбе с хананейянами были разрушены все старые родовые организации и возникла хаотически перемешанная и перепутанная народная масса, из которой потом развились совершенно новые роды и племена. Напротив, с несомненностью видно, что захват земли и ее заселение повсюду совершались тысячами и сотнями. Но в одних случаях родственные тысячи и сотни были разорваны, раз'единены и отеснены в различные области, где они вступали в союзы и перемешивались с жившими там деревенскими и родовыми общинами; напротив, в других

случаях в непосредственном соседстве расселялись родовые группы, которые первоначально принадлежали к совершенно различным племенам хабири. Только посредством соединения и сплочения в крупные областные союзы таких родов, которые жили в соседстве, или же, как мы видели, посредством отщепления и обособления прежних тысяч возникали те местные племена, которые в ветхозаветных писаниях переизлагаются, как двенадцать колен Израилевых.

Даже спустя несколько столетий по покорении хананеян, еще в одиннадцатом веке до Р. Х. внутренняя связь между еврейскими племенами была очень слабая. Князей племен в точном значении этого слова, повидимому, не было. В древних преданиях упоминаются исключительно «нагиды» и «сикны», главной задачей которых было судить и организовать общественный разбор судебных дел. Поэтому в русском переводе Библии они обыкновенно называются «судьями» и старшинами или «старейшинами». Это по всей вероятности—патриархи отдельных родов, входивших в состав того или иного племени.

Еще более слабой была связь между составными частями различных племен. Повидимому, только веков за двенадцать до Р. Х. начали возникать боевые союзы еврейских племен против надвигающихся северо-ханаанских или финикийских племен. Древнейшим историческим сообщением с таким объединением еврейских племен и тысяч, имевшим целью отразить натиск врагов, является песнь Деворы, один из древнейших памятников, вошедших в состав ветхозаветных писаний. Согласно этому документу, племена Ефрема, Вениамина, Иссахара, Неффалима, Завулона и Махира некогда общими силами разбили хананеян в равнине Киссона; племя Махира, это племя Манассии, или точнее, одна из больших тысяч этого племени: бене (потомки) Махира составляли только одно подразделение, одну фратрию племени Манассии. Напротив, пастушеские племена Гада и Рувима, жившие к востоку от Иордана, равно как и обитавшие на морском берегу племена Дана и Асира, безучастно смотрели на борьбу.

«От Ефрема пришли укorenившиеся в земле Амалика, за тобою Вениамина, среди народа твоего; от Махира шли начальники, и от Завулона владеющие тростью певца. И князья Иссахаровы с Деворою, и Иссахар так же как Варак, бросился в долину иезий в племенах (родах) Рувимовых большое разногласие. Что сидишь ты между овчарнями, слушая блеяние стад? Галаад живет спокойно за Иорданом, и Дану чего бояться с кораблями? Асир сидит на берегу моря и у пристаней своих живет спокойно. Завулон—народ, обрешший душу свою на смерть, и Неффалим—на высотах поля» («Книга судей Израилевых», глава 5, стихи 14—18).

О племени Иуды в песне деворы совершенно не упоминается. в то время оно еще как бы не существовало для евреев северной Палестины, отделенных от него чисто ханаанскими по населению областями.

Такие случайные военные союзы возникали неоднократно; но едва удавалось устранить опасность, как и объединению наступал конец. Каждое племя и каждая тысяча опять видели в себе самостоятельные группы. И только в одиннадцатом веке, чтобы уничтожить соперничество между еврейскими племенами и сплотить их против внешних врагов, начали назначать главных предводителей выборов. Таким образом возникло так-называемое народное «царство». Сначала оно, как рассказывает Библия, ограничивалось пределами племени Вениамина, т. е. Ефрема: в то время племя Вениамина было просто колонией племени Ефрема; но потом основой этого царства сделалось племя Иуды, которое все более усиливалось, так как оно подчиняло себе пограничные ханаанские области.

Некоторые богословы тоже признают, что еврейские племена возникли только в Палестине. Несмотря на то, она утверждают, будто все еврейское наследие, проникшее в Палестину, искони почтало в Ягве общего национального бога; и хотя в древнейших источниках говорится о культах элогимов, терафимов и семейных богов, однако для богословов это многобожие объясняется очень просто: всеобщим отпадением от культа Ягве. Они говорят даже, что, конечно же культ Ягве был господствующим среди евреев, переселившихся в Палестину; ведь по «Книге судей Израилевых» и по «Книгам царства» он был той силой, которая снова и снова сплочивала израильтян и в конце концов объединяла их в теократию, в божие царство. Это — превосходный вывод из той теории, на которой мы остановились в восьмой главе: сначала возник национальный бог и национальная религия и лишь после того возникла нация. Но в данном случае эта теория оказывается еще более нелепой: у нас нет никаких указаний, чтобы от переселения в Ханаан существовали сколько-нибудь тесные связи между южно-еврейскими и северно-еврейскими племенами. Племя Иуды вместе с родами Левии и Семеона проникло в позднейшую свою область — к западу от Соленого озера — с юга-запада через область амаликитян и эдомитян. Напротив, северные израильтяне вторглись в Палестину с северо-востока через Иордан и в течение нескольких столетий по своему расселению, как показывает песнь Деворы, еще ничего не знали о существовании своих южных родственников по расе. Однако, хотя раньше не было никакой связи между ними, богословы хотят уверить нас, будто Израиль искони был единым народом, с однородными социальными учреждениями и, одним и тем же культом Ягве, — и все это исключительно по тем основаниям, что спустя более чем столетие иудейские жрецы (левиты) из политических и религиозных соображений отстаивали эти взгляды.

Но самое любопытное заключается в том, что, если мы обратимся к исследованию книг «Судей Израилевых» и «Царств» и постараемся устранить все позднейшие вставки, дополнения и переработки, то мы ясно увидим, что поклонение племенным богам-предкам, эло-

гимам, родовым богам-предкам, терафимам, и семейным или домашним богам имело всеобщее распространение. Конечно, во многих случаях заметны ханаанские и финикийские влияния. Но если эти влияния проявлялись с такой легкостью, между тем, как другие учреждения и особенности, принесенные из пустыни, обладали большой силой сопротивления и удерживались в течении многих столетий, то из этого следует только один вывод: надо полагать, что у ханаанского культа предков были чрезвычайно многочисленные точки соприкосновения, больше сходство с еврейским культом.

Этот взгляд на древнее состояние религии у северных израильтян подтверждается тем обстоятельством, что то, что преподносит нам в виде культа у северных израильтян, в действительности вовсе не было культом Ягве. Что общего с культом Ягве имеют, напр., те действия, которые предпринимает при жертвоприношении ягвистский герой Геден? В «Книге судей» (глава 6, стихи 16—21) об этом говорится так:

«И сказал ему Господь: я буду с тобою, и ты поразишь мадианитян, как одного человека. Геден сказал ему: если я обрел благодать пред очами твоими, то сделай мне знамение, что ты говоришь со мною: не уходи отсюда, доколе я не приду к тебе и не принесу дара моего и не предложу тебе. Он сказал: я останусь до возвращения твоего. Геден пошел и приготовил козленка и опресноков из ефы муки; мясо положил в корзину, а похлебку влил в горшок и принес к нему под дуб и предложил. И сказал ему ангел Божий: возьми мясо и опресноки и положи на сей жамена, и вылей похлебку. Он так и сделал. Ангел Господен, простерши концы железа, который был в руке его, прикоснулся к мясу и опреснокам; и вышел огонь из камня и поел мясо и опресноки; и Ангел Господен скрылся из глаз его».

В «Книге судей» это называется жертвоприношением Ягве, так как сам малак (вестник) Ягве указывает, как надо приносить жертву; тем не менее жрецы Ягве из Иудеи признали бы, что все эти действия — отвратительнейшее идолослужение. Однако не только Геден, но и сам старый Самуил, этот столп ягвизма, настолько плохо знает ягвистские ритуальные обряды, что он приносит жертву «на высоте», т. е. соединяет насильное жертвоприношение Ягве с культом бамы, — древне-ханаанским культом родового бога-предка, совершавшимся на вершинах гор. В «Первой книге царств» об этом рассказывается следующим образом. Когда у Илса пропали ослицы, то отправил своего сына Саула с одним слугою разыскивать их. После тщетных поисков они пошли в город, чтобы там обратиться к «прозорливцу».

«Когда они поднимались вверх в город, то встретили девиц, вышедших черпать воду, и сказали им: есть ли здесь прозорливый? Те отвечали им и сказали: есть; вот, он впереди тебя; только поспешай, потому что сегодня у народа жертвоприношение на высоте; когда придете в город, застанете его, пока он еще не пошел на ту высоту, на обед; ибо народ не начнет есть, доколе он не придет; потому что он

благословит жертву, и после того станут есть званые» (глава 9, стихи 11—13; см. также стихи 19, 25):

Какое касательство к культу Ягве имели жертвоприношения «на высоте», это ясно показывает приведенное раньше место из Четвертой книги царств: Ваакия, Царь Иудейский, «делал угодное в очах Ягве»; и одним из таких угодных Ягве действий было то, что он «отменил высоты» («Четвертая книга царств», глава 18, стихи 3—4).

Да в сущности в ветхозаветных писаниях мы и не находим никакого указания на то, чтобы у северно-израильских племен были какие-нибудь места для культа Ягве; напротив в древнее время у каждого племени был свой «эл» и свои главные места культа, — своего рода главное местопребывание бога данного племени. Так, напр., главное место культа у бене (потомков) Гада было в Маханаиме (что означает «двойной стан», «двойное место», — «двойное седалище эла»), у бене — Рувима в Пенуэле (что означает вид, т-е. появление эла), у бене Вениамина — в Вефиле (что означает «дом эла»), у бене Завулона — на горе Табор (Фавор), у бене Дана — в Дане (такое позднейшее название места Ланса или Ешана, получившееся от имени мифического предка этой миспахи), у бене Манассии — в Сихеме и т. д. К сожалению, невозможно установить, в каком образе почитались элогими различных племен в этих главных местах совершавшихся пред ними жертвоприношений. Только об эле Вефиля и об эле Сихема мы знаем, что их представляли в образе быка.

Однако историки религии уверяют, будто у них есть доказательство того утверждения, что и на севере Палестины поклонялись Ягве с древнейших времен. В некоторых из древнейших частей «Книги судей», в особенности в песне Деворы (глава 5), одним из древнейших памятников еврейской литературы, — возможно даже, что в самом древнем, — Ягве уже называется богом Израиля. Хотя этим еще не доказано, что евреи уже из пустыни принесли с собой Ягве, как национального бога, тем не менее получается тот вывод, что культ его был известен в северной Палестине, надо полагать, в двенадцатом или одиннадцатом веке. Но в действительности и песнь Деворы не представляет чего-либо единого и цельного. Для вящей славы явизма и этот литературный памятник впоследствии был дополнен и подправлен. Было бы слишком долго доказывать это со всеми подробностями. Достаточно привести несколько примеров.

Прежде песнь Деворы начиналась только со стиха 12: «Воспрянь, воспрянь, Девора! Воспрянь, воспрянь! Воспой песнь! Восстань, Варах и веди пленников твоих, сын Авиноамов». Она представляет одну из тех древних военных и боевых песен, которые мы встречаем у многих народов. Песня, которая возникла по всей вероятности вскоре после описанного в ней сражения между евреями и ханаанеями в долине Киссона, была народной песнью, и все, кто пел ее, в первое время ее понимали, потому что все еще помнили об описываемых в ней событиях. Впоследствии же, когда память о событиях

совершенно поблекла, какой-то народный певец присоединил к песне несколько стихов и постарался обрисовать в них по каким причинам произошло столкновение.

Эти дополнительные стихи представляют известный контраст с собственно боевой песнью уже в том отношении, что в этой песне о событиях говорится, как о только-что разыгравшихся, а в позднейшем дополнении они оказываются лежащими в отдаленном прошлом. Напр., в стихах 6—7 говорится:

«Во дни Самегара, сына Анафова, во дни Иаили; были пусты дороги. И вышедшие в путь шли кривыми тропами (т.-е. избирали окольную дорогу). Праздны были благородные (т.-е. землевладельцы) Израиля, праздны, пока не выступила ты, Девора, не восстала ты, мать во Израиле».

Для этого нового поэта события лежат далеко-далеко позади. Может быть, боевая песнь в этой форме распевалась целые столетия, но потом, подобно многим древне-еврейским песням она была предназначена к тому, чтобы известить славу Ягве, и подверглась соответствующим «усовершенствованиям». Однако ягвист, который принялся за это, был такой же простодушный человек, как и многие современные благочестивые люди в Израиле и вне Израиля. Он с такой наивностью ввел свои дополнения, что еще и теперь можно доказать, что это—просто позднейшие вставки. Ему важно было одно: воспеть хвалу своему Ягве. Все событие интересовало его лишь постольку, поскольку оно давало случай восславить Ягве.

Поэтому он разом начинает прославляем Ягве:

«Хвала Ягве за то, что вожди повели во Израиле, что народ добровольно последовал за ним. Слушайте, пари! Внимайте, князья! Я воспую Ягве, я пою ему. Я буду бряцать Ягве. богу Израиля» (стихи 11, 3).

Последний стих явнó отличается от собственно боевой песни, которая распевалась массой. Здесь выступает отдельный человек, «я», и заявляет «я» воспую, «я» буду бряцать. И этот «я» знает уже «царей» и «князей» во Израиле. Действительная же боевая песнь знает царей только в Ханаане, а в еврейских племенах лишь «благородных», пользовавшихся общим уважением, («сильных» и «храбрых», по русскому переводу в синодском издании) и вождей (начальников). Уж из этого следует, что ягвистское славословие возникло много позднее.

После только что приведенного стиха идут слова:

«Когда ты, Ягве, выходишь из Сеира, когда шел сюда с полей Эдомских, тогда тряслась земля, капало небо, облака проливали воду, горы тряслись перед Ягве,—и этот Синай дрожал перед Ягве, богом Израиля» (стихи 4—5).

Диковинное дело. Конечно, по иудейским воззрениям, Ягве жил между прочим и на горах Сеира. Но удивительно, что северные израильтяне двенадцатого века, ничего не слышавшие до того времени о горах Сеир в Эдоме и, как следует из древнейшей части песни Де-

воры, не знавшие даже о существовании Иудеи, поместили своего бога на совершенно невидимую им гору Сеир, а не в те места, где они сами совершали жертвоприношения. И каким удивительным путем идет этот Ягве для того, чтобы из Сеира попасть в долину Киссона. Вместо того, чтобы пройти через области племен Иуды и Вениамина, он сначала идет на Синай, приводит там в сотрясение горы и лишь после того отправляется к северному Иардану; это — совершенно то же, как если бы кто-нибудь, желая скорее приехать из Москвы в Петербург, сначала поехал в Одессу, а оттуда через Варшаву отправился в Петербург.

Дело с географией обстоит здесь очень плохо, и этот стих представляет в действительности не что иное, как разукрашенный пересказ из благословения Моисея:

«Он (Моисей) сказал: Господь пришел от Синая, открылся им от Сеира, воссиял от горы Фарана и шел со тьмами святых; одесную его огонь закона» («Второзаконие», глава 33, стих 2. Выше уже были отмечены вольности русского перевода в синодском издании, из которого сейчас взят этот стих. В данной связи они не имеют значения).

Но дальше — еще лучше, еще удивительнее. Ягвист в своем рвении не заметил, что тот автор, который раньше него вносил свои дополнения в песнь Деворы, еще вовсе не знает Ягве, а полагает, напротив, что тогдашние еврейские племена поклонялись различным элогимам. Благодаря этому несколькими строками ниже только что указанной ягвистской вставки следуют слова: «Израили новых эдогимов» («Книга судей «Израильтян», глава 5, стих 8).

Поистине поразительное противоречие! Израильтяне поклонялись различным элогимам, а вот на помощь им из гор Сеир выходит Ягве, живущий в Эдоме.

Затем Ягвист опять воспевает хвалу Ягве (стихи 9—11 по синодскому изданию):

«Сердце мое к вам, начальники Израилевы, к ревнителям в народе; прославьте Ягве! Ездящие на ослицах белых, сядущие на коврах и ходящие по дороге, пойте песнь! Среди голосов собирающих стада при колодезях, там да воспоют, хвалу Ягве, хвалу вождям Израиля! Тогда выступил к воротам народ Ягве».

Только после того начинается собственно боевая песнь. До стиха 23 она осталась «неисправленной», — лишь в стихе 13 поэт-ягвист опять сделал тенденциозную вставку. В настоящее время стих гласит:

«Тогда вышел остаток благодарных воинов, тогда Ягве сошел ко мне, среди рядов воинов» (т. е. вождя, построенного по отделениям. (По синодскому изданию: «Тогда немногим из сильных подчинил он (Господь) народ; Господь подчинил мне храбрых»).

Второе предложение представляет вставку. Характерно уже это «ко мне»: оно означает здесь «мне на радость», «для меня». Оно говорит: «для меня был тогда Ягве среди выступавших полчищ». Но стихи с таким смыслом были бы невозможны в боевой песни. К тому

же они стоят в вопиющем противоречии с древним текстом, потому что в нем за евреев сражается не Ягве, а элогимы на звездах сражаются за свои племена. Именно, в стихе 20 говорится:

«С неба сражались звезды, с путей своих они сражались с Сисарой.

Ясно, что это представление никак не связано с культом Ягве, что оно — ханаанское или финикийское. Оно с несомненностью показывает, что, когда возникла боевая песнь, к культу предков у северных израильтян присоединились очень многие ханаанские представления о боге, но культ Ягве еще оставался неизвестным для них.

Затем в стихе 23 ягвистский поэт опять вставил несколько строк:

«Прокляните Мероз, сказал ангел (малак) Ягве, да прокляните его жителей за то, что они не пришли на помощь Ягве среди подчищ».

Этот стих сильно искажен. География древней Палестины не знает никакого места с названием Мероз. В прежних еврейских списках вместо слова «Мероз» стояло по всей вероятности «Масса» или «Массор»: и в древних списках «Пятикнижия» место все еще называется «Массар» и «Массор». Однако это не так важно. Существование, что Ягве, который по уверению его поклонника сам сражается среди своего народа, по этому добавлению вовсе не присутствовал среди них сам, а посылает своего мардука (вестника) для того, чтобы изречь свое проклятие.

Таким образом все места, которые говорят о Ягве, оказываются дополнениями ягвиста, переработавшего песнь в позднейшее время. В древнем тексте нигде не упоминается о Ягве; напротив, защитники сражающихся еврейских войск — элогимы, которые ведут борьбу за них со звезд и дают им победу.

В таком случае и Ягве сделанся национальным богом, а его культ — национальной религией лишь с того времени, как еврейские племена объединились в государство: в одиннадцатом веке, когда племя Иуды, все более усиливаясь, достигло гегемонии, первенства, и когда при Давиде возникло царство иудейского народа. С образованием из раздробленных до того времени племенных государств единого государства, управляемого из одного центра, национального государства, возник и национальный бог, или бог всего государства, и это положение государственного бога досталось, как оно доставалось повсюду, племенному богу руководящего, господствующего племени, иудейскому Ягве. Благодаря покровительству Давида и Соломона, в северных частях государства повсюду возникли жертвенники и места культа великого Ягве, который превратил свой народ в могущественное царство. А около этих мест культа скопились многочисленные жрецы-левиты, которые как из собственных экономических интересов, так и по национальным соображениям вели пропаганду за своего Ягве, за бывшего бога иудейского племени, который превратился в бога-патрона нового царства.

Вместе с силой Иудей возвышалось и господствующее положение Ягве, в особенности с того времени, как Давид взял Сион, крепость Иевусеев («Вторая Книга царств», глава 5, стихи 6—9) и сделал его резиденцией своего правительства, а Соломон, не останавливаясь перед колоссальными расходами, построил на этом месте великолепный храм, — центральный пункт культа Ягве для всего государства.

Однако этот блестящий период еврейской религии протекла всего около одного столетия. Гнет Иудей слишком тяжело дожилась на племена севера. При самодержавном царе Ровоаме (по обычному исчислению времени, в 975 г. до Р. Х.) государство разделилось. Северные племена отложились от Иудей, отложилось и племя Вениаминово; оно, как, вопреки «Третьей книге царств», глава 12, стих 20, единогласно признали современные историки, принадлежало не к Иудее, а к северному царству, во главе которого стало племя Ефремово.

Разделение царства имело самое роковое значение для всей нации. Роль значительной державы, завоеванная при Давиде и Соломоне, отошла в прошлое. Разделенный, охваченный внутренними противоречиями, еврейский народ уже не находил в себе сил для того, чтобы отражать натиск окружающих его враждебных народностей. Палестина сделалась центром ожесточенной борьбы, объектом частых иноземных вторжений. На крайнем севере, как и в области к востоку от Иордана, утрачивалась одна часть страны за другою.

В северном царстве, в Самарии, культ Ягве претерпел существенное ограничение. Поклопенные старым племенным божествам, иногда вытеснявшиеся при новых условиях, сложившихся по возникновении Иудейского царства, теперь победоносно выдвинулось на первый план. Новые цари северного государства по политическим соображениям оказывали ему, особое покровительство. Если бы местопребыванием главного бога страны остался Иерусалим, столица враждебного Иудейского царства, это знаменовало бы, насколько слабо их собственное господство, и постоянно напоминало бы о былом политическом единстве. Такие чисто политические соображения, по которым опять был восстановлен старинный культ племенных богов, прямо и ясно высказаны в ветхозаветных писаниях. Так, напр., в «Третьей книге царств» (глава 13, стихи 26—29) говорится:

«И говорил Иеровоам (новый самаритянский царь) в сердце своем: царство может опять перейти к дому Давидову; если народ сей будет ходить в Иерусалим для жертвоприношения в храме Ягве, то сердце народа сего обратится к государю своему, к Ровоаму, царю Иудейскому. И, поразмыслив, царь сделал из золота двух молодых быков и сказал народу: довольно ходили вы в Иерусалим. Вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из Египта. И поставил одного в Вефиле, а другого в Дане».

Но в течение столетия иудейской гегемонии культ Ягве и у израильтян севера укрепился слишком сильно для того, чтобы можно было просто и безболезненно его уничтожить. Жрецы Ягве повсюду пу-

стили корни и, несмотря на все преследования, держались за свой культ из-за собственных интересов. При состоянии, сложившемся в Израиле, они нашли для своих стремлений сильных союзников. Под тяжёлыми ударами судьбы, которые скоро обрушились на северное царство, при нескончаемой, внешней и внутренней борьбе, при упадке торговли и разорении крестьянства, народ, подвергавшийся частым иноземным вторжениям, вспоминал те прошлые времена, когда Самария была еще соединена с Иудеями, как блестящую эпоху израильской истории, как доброе старое время всеобщего благополучия, — а это время было связано с поклонением Ягве, как национальному, народному богу. Жрецы Ягве без особых усилий с их стороны могли представлять народу дело таким образом, как будто надвигавшиеся бедствия, в противоположность былой силе Израиля, представляют следствие отпадения от Ягве.

К этому присоединилось то обстоятельство, что старинный культ родовых богов и богов-предков приобретал все более аристократический характер. Обосновываясь в Ханаане, евреи расселялись в завоеванной стране по тысячам, сотням и десяткам. Каждая из таких групп получала свой определенный участок земли. Самой мелкой из таких групп был десяток, «дом отцов», который представлял домовую или дворовую общину и находился под управлением главы большой семьи, патриарха. Сыновья и внуки со своими женами и детьми оставались при отце дома и сообща обрабатывали участок, состоявший во владении семьи. Но уже в девятом, в особенности же в восьмом веке до Р. Х. началось быстрое разложение такого патриархально-семейного хозяйства. Все больше шло и росло индивидуальное мелко-крестьянское хозяйство, а вместе с тем развращалась зияющая пропасть, создавая различия богатства и собственности. На ряду с крупными и мелкими землевладельцами возник слой свободных безземельных, далимов, а на ряду с последними — слой зиджшмов, — несвободных и долговых, кабальных рабов, тех, которые за неуплату долгов и аренды вместе со своими детьми попали в «ходопство».

Известный датский богослов и ориенталист (исследователь истории Востока) Франц Буль в своей книге «Социальные отношения у израильтян» (стр. 20) следующим образом описывает эти отношения, как они сложились в северном царстве уже к концу восьмого века до Р. Х.

«Конечно, такая расточительная жизнь требовала крупных сумм, и сильно пришли таким образом к тому, что стали применять самые недопустимые способы для удовлетворения своих склонностей. Пред царскими чиновниками, на которых возлагалось взимание податей и налогов, открывалась широкая и благодарная арена деятельности, и они, подобно чиновникам современного Востока, не оставили ее неиспользованной. Даже от немущих они требовали дани натурой. «Итак, за то, что вы пощадите бедного и берете от него подарки хлебом, вы построите дома из тесаных камней, но жить не будете в них; разведе-

те прекрасные виноградники, а вина из них не будете пить» («Книга пророка Амоса», глава 5, стих 2).

«Другие пользовались своим положением, чтобы ростовщически наживаться на торговле хлебом, и при этом обманывали бедных, уменьшая меры емкости и увеличивая вес, по которому они получали деньги. Амос, глава 8, стихи 4—6, говорит: «Выслушайте это, алчущие поглотить бедных и погубить нищих,— вы, которые говорите: когда-то пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота, чтобы открыть житницы, уменьшить меру, увеличить цену сикля и обманывать неверными весами, чтобы покупать неимущих за серебро и бедных за пару обуви, а высевки из хлеба продавать».

«У того, кто не в состоянии был уплатить долгов или налогов, с суровой беспощадностью отбиралось имущество. Амос (глава 2, стихи 6 и 8) описывает, как сильные возлежат при жертвенных трапезах на одеждах, взятых за неплату долгов, и пьют вино, взятое в виде кары: «Так говорит Господь: за три преступления Израиля и за четыре не покажу его, потому что продают правого за серебро и бедного— за пару сандалий... На одеждах, взятых в залог, возлежат при всяком жертвеннике, и вино, возсылаемое с обвиненных, пьют в доме богов своих».

«Наконец, богатые и сильные навлекли очень существенную пользу из того, что сами они были судьями или хотя бы были в дружбе и родстве с судьями. Поэтому бедные, сироты и вдовы обыкновенно не находили никакой защиты от сильных людей, высасывающих из них соки, а эти сильные приходили в бешенство, когда правдолюбивые люди выступали пред судом защитниками невинных. Амос в главе 5, стихи 7, 10 и 12, говорит:

«О вы, которые суд превращаете в отраву и правду повергаете на землю.. Они ненавидят обличающего в воротах и гнушаются тем, кто говорит правду... Ибо я знаю, как многочисленны преступления ваши и как тяжки грехи ваши: вы— враги правого, берете взятки и извращаете в суде дела бедных».

«В племени Ефрема общее положение еще более ухудшалось постоянными военными переворотами. Каждая новая династия возводила к власти новые роды или новых лиц, которые, справедливо сознавая, насколько непрочна их счастье, делали все возможное для того, чтобы использовать выгоды своего положения (сравн. «Книга пророка Осии», глава 7 и 13)».

Безземельные становились в то же время и безродными: они утрачивали всякую связь со своим родом (миснахой), а вместе с тем и право на его защиту и помощь. Несвободные превращались в прислугу, в зависимых членов тех семейств, которые приобретали их в качестве холопов и рабов. Что касается свободных безземельных, они в поисках за работой устремлялись в города и крупные селения, чтобы сделаться там рабочими, мелкими торговцами или ремесленниками. Если даже с течением времени они приобретали там

права гражданства, они не делались от этого членами господствующих там родов и не получали права участвовать в городском управлении, входить в коллегия старейшин, составлявшиеся из избранных родами. Уже в восьмом веке подавляющая часть беднейшего населения в израильских городах оказывалась вне союза родов, вне родовой организации, «Роды»,—это были богатые в первую очередь «гибборе хайл», воины, те землевладельцы, которые по размерам своей собственности были обязаны нести военную службу.

Но, утратив членство в роде, белый вместе с тем утрачивал своего родового бога. Он уже не принимал участия в культе предков своего рода. Тем решительнее более или менее пролетаризованная масса, стоявшая вне «родов», обращалась к культу великого Ягве, который был не только богом того или иного рода, богом не только ненавистных землевладельцев, но всего народа. И жрецы Ягве сумели использовать такой оборот. Чем более культ богов семейных и родовых превращался в эрстобратический культ, тем решительнее, как ясно следует из речей пророков, их Ягве делался демократическим богом, богом нуждающихся. Они требовали возврата к древним порядкам, установленным Ягве, к тому строю нравов и учреждений, когда «спьяные еще не пожирали народ, как людоеды» и, «подобно мельничным камням, не перемалывали бедных». Жрецам Ягве, в особенности левитам, и самим приходилось вести тяжелую борьбу против родов. Уничтожение старого культа предков принесло бы для них возвышение их собственного положения и доходов. В особенности были они заинтересованы в осуществлении того требования, чтобы у заримов — начальников родов, оняли их судебное звание и опять обратились к божественным заповедям Ягве: ведь только они, жрецы Ягве, были полномочными истолкователями этих заповедей.

Тем не менее культ предков в Самарии и Иудее продержался бы, вероятно, еще много столетий, если бы покорение обоих царств ассирийцами и вавилонянами не повело к полному уничтожению древнего родового строя. В 722 г. до Р. X. Самария была разрушена Саргоном, царем ассирийским и, как гласит одна надпись Саргона, 27.280 знатных израильтян подверглись выселению. Вместо них в земле израильской были поселены халдейские и ассирийские колонисты. В 720 г. часть Самарии в союзе с Арпадом, Дамаском и Емафом опять восстала, чтобы свергнуть ассирийское иго. Но, лишенное всякого плана, восстание легко и быстро было подавлено. Последовали дальнейшие выселения. Сила Израэля была окончательно сломлена.

С этого времени Иудея сделалась единственным носителем национальных упований израильтян и единственным хранителем культа Ягве. Но в 597 г. Иудейское царство тоже пало жертвою нападений со стороны Вавилона. Вавилоняне завоевали Иерусалим и увели в плен большую часть «гибборе хайл», землевладельцев, обязанных нести военную службу, «родов». В стране были оставлены только часть городского церемешапного населения и «даллат ат гаары» — бедное сельское насе-

ленке. А когда оставленные, уповая на помощь Ягве, сделали повторную попытку свергнуть вавилонское иго, в 586 году, после нового завоевания Иерусалима, жители Иудеи, способные носить оружие, тоже были уведены в плен.

И правда, в вавилонском плену первое время родовая организация еще сохранялась, и даже возвращение из плена отчасти совершалось по родам. На это вполне определенно указывает глава седьмая «Книги Неемии».

«Вот жители страны, которые отпавшись из пленников, переселенных Навуходоносором, царем Вавилонским, и возвратились в Иерусалим и Иудею, каждый в свой город... сыновей Пароша две тысячи сто семьдесят два, сыновей Сафатия триста семьдесят два, сыновей Пахаф-Моава, из сыновей Иисуса и Ноава, две тысячи восемьсот двенадцать... Сыновей Иммера тысяча пятьдесят два, сыновей Пайхура тысяча двести сорок семь» и т. д.

Но в этой же главе говорится: «И вот вышедшие из Телмелаха, Телхарши, Херув-Алдона и Иммера; но они не могли показать о поколении (колене) своем и о племени (роде) своем, от Израиля ли они... И из священников: сыновья Ховаии, сыновья Гаккоца, сыновья Верзиллия... Они искали родословной своей записи, и не нашлось, и потому исключены из священства». Совершенно такие же условия, при которых происходило возвращение из вавилонского плена, обрисовываются в главе второй «Первой книги Ездры».

Таким образом возвращение совершалось не цельными и сплоченными родами, а отдельными раздробленными частями, которые скоро растворились в «безродном» населении, оставшемся в Иудее. Родовой строй был совершенно разрушен, хотя страсть к установлению своей родословной удерживалась еще в течение долгого времени. На место родового строя выступило жреческое государство, теократия. А с уничтожением старинной родовой организации неизбежно пал и культ родовых предков. Но тем больше усиливался в новом Иудейском царстве культ национального бога Ягве, который победил вавилонян и воссоздал Иудею. Около поклонения ему сосредоточились все стремления к политическому единству, к защите самостоятельности, к охране своей народности, со всех сторон окруженной миром чужих народов.

Следовательно, иудейский монотеизм возник из особых условий социального развития евреев, а не был результатом этических размышлений о боге.

* * *

Итак, Ягве развился в национального бога таким же способом, как национальные боги возникали у других народов. Он возник благодаря развитию политической государственной организации из прежнего общинно-родового строя. Отличие от других государств древности за-

ключается только в том, что, вследствие более быстрого разложения семейного коммунизма и неоднократного увода землевладельческих, консервативных элементов в плен, родовая организация, а вместе с тем и культ родовых и семейных богов были разрушены здесь быстрее, чем в других странах. Следовательно, если так-называемый иудейский монотеизм появился здесь быстрее, чем в других государствах древности, то это — не результат особого предрасположения евреев к монотеизму и не результат их более высокой нравственности или более глубокого отношения к идее бога: это — результат их социального развития, которое, хотя шло оно в общем по тем же путям, как у других народов древнего мира, однако сравнительно рано привело к образованию теократического прочного государства, построенного не на общинно-родовой, а на политической организации.

Таким же пустым вымыслом, как это особое предрасположение еврейского ума к монотеизму, является и утверждение, будто Ягве сначала был богом природы, богом воздуха, ветра, грома, вулкана, огня. Подобно всем богам у семитических народов, Ягве сначала тоже был богом-предком, и в его культе даже в позднейшую эпоху особенные формы, которыми характеризуется почитание предков и духов (душ), сохранялись в более отчетливом виде, чем в культе большинства богов Египта и Вавилона. Так как в этих государствах все экономическое существование уже в раннюю эпоху попало в полную зависимость от воздействия сил природы, то боги превратились там в богов-покровителей земледелия, подателей тепла и воды и т. д. в несравненно большей мере, чем еврейские элохимы.

Но чтобы таким образом понять характер еврейской религии, необходимо совершенно отбросить тот старинный богословский взгляд, который видит в иудейской религии Ягве дохристианскую религию вообще, особенным образом откровенную самим богом. Необходимо подходить к изучению еврейской религии исключительно так же, как и к исследованию любой из сотни других религий: это — продукт естественного развития, складывавшийся по тем же законам, как развивалась всякая другая религия, и потому к ней приложимы общие законы, выведенные из изучения других религий. Поэтому было бы ошибочно думать, будто исключительно путем критики текста и языка того литературного материала, который дает нам ветхий завет, можно прийти к пониманию действительного характера древне-еврейской религии. Конечно, эта критика имеет свою определенную ценность. Но она может раскрыть только одно: там-то имеются противоречия, там-то соединены разнородные сообщения, там-то сделаны дополнения, вычеркивания, перетасовки. Напротив, она не в состоянии объяснить всего психологического построения религии и его исторических основ, коренящихся в условиях существования еврейских племен. Это познание мы получим лишь в том случае, если постараемся исследовать еврейскую религию в ее первых зачатках, если увидим в ней просто один из этапов в общем процессе развития.

религии, проследим предшествующие ступени у других народов и возьмем библейские рассказы, как сырой материал, который может претендовать на признание лишь постольку, поскольку он психологически согласуется с результатами общего изучения религии. Но при этом не обойтись без этнологии (народоведения—сравнительного изучения быта, учреждений и воззрений у разных народов). Этнология же совпадает с социологией, т.-е. с наукой о закономерном ходе развития человека.

Этот метод раскрыл нам действительную историю иудейского бога, которого христианский мир признает и своим богом.
